

ПЕРВАЯ ИГРА

Повесть

Дмитрий
СЕРГЕЕВ

Рисунки
Е. Стерлиговой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прозвенел сигнал вызова, и над экраном видеофона вспыхнул малиновый глазок. Не отрывая взгляда от шахматной доски, я потянулся к пусковому зажиму.

— Лартяне запрашивают разрешения на связь.

— Соедините.

На экране крупным планом возникло чуточку искаженное, как бы расплющенное лицо. Догадываюсь: передо мной вафий. Экран подчеркивает и без того широкое и скуластое лицо человека с Ларта. Видимо, это и есть старший нейроквантик, которого мы должны взять на борт. Наш корабль уже больше месяца кружится на орбите Ларта, трюмы и ледовые кладовые заполняют каким-то грузом. Каким именно, мне не сообщили. В шифровке, которую я получил два месяца назад с Земтера, приказывалось: «Поставить корабль на орбиту Ларта, принять спецгруз, взять на борт нейроквантика и попечителя, предоставить в их распоряжение автоматы и разрешить проходку шахты в глубь астероида. Для обслуживания лаборатории нейроквантика в центре астероида выделить необходимую энергию, не расходуя аварийного запаса горючего». Вот, собственно, и все, что мне полагалось знать.

Задним числом я сам поражаюсь собственной беспечности. Удивительно, как это я ничего не заподозрил: ведь знал же, с кем имею дело. Наверное, мою бдительность ослабило случайное сообщение, промелькнувшее в сводке новостей. Обычно я слушал их невнимательно, не вникая в смысл. Но в этот раз упомянули знакомое имя — Глоб. «...Кроме того, на корабль будет принят нейроквантик с Ларта с новейшей экспериментальной моделью. По прибытии на Земтер состоятся состязания между автоматами Глоба и новейшим автоматом. Как именно они будут проходить, ученый не пожелал сообщить».

Кто бы ни был этот нейроквантик с Ларта, я от души желал ему успеха. И поскольку о предстоящем состязании говорилось в открытой сводке, я заключил, что никакого секрета в этом деле нет. Увы, я так и не научился полному бесстрастию. С Глобом у меня личные счёты,

и за прошедшие двадцать лет я ничего не забыл.

Еще более странно, что в центре столь важную операцию доверили лартянам. Не поручили мне даже проконтролировать их действия...

— Вас приветствует нейроквантик Джамас,— произнес человек со скуластым лицом, удаленный от меня на сто тысяч километров.— Мне разрешено проводить испытания в ледовой лаборатории.

Я назвал себя. Несколько минут ушло на взаимный обмен любезностями. От подобной процедуры я совершенно отвык, невольно чувствовал себя скованным. Двадцать лет мы поддерживали с Земтером лишь строго деловую связь, соблюдать этикет не было времени. Да никто бы и не позволил нам тратить энергию попусту: каждая секунда связи влетала в копеечку.

Я облегченно вздохнул, когда разговор перешел на деловые рельсы. Мы обговорили несколько пунктов, наметили срок готовности. В заключение Джамас спросил:

— У вас есть какая-нибудь просьба?

— Захватите щенка,—неожиданно для себя попросил я.

Двадцать лет держал я себя в узде, и вот теперь воспоминания прорвались неожиданно, помимо моей воли.

...Оставались считанные минуты перед посадкой в стартовую кабину. Она доставит нас на корабль, который монтировали прямо на орбите. Он уже несколько месяцев кружился возле Земтера, отчетливо видимый даже среди дня,—этакая бледная звездочка, плывущая в голубизне.

Торжественная процедура закончена, можно побыть с родными. Со мной самые близкие мне люди — жена и сын.

Фааза выглядит рассеянной, погруженной в свои мысли, с ее губ не сходит болезненная улыбка.

Хватаюсь за последнюю соломинку, которая способна еще удержать мои чувства от паники,—беру на руки сына, судорожно прижимаю его к себе. Милое, доверчивое лупоглазое

существо! Он и не подозревает, что его папа, большой взрослый человек с колючими щеками и ласковыми руками, на этот раз ищет защиты у него — у крохи-несмышленища. Пуще всего боюсь высказать свое смятение. В сотый раз спрашиваю сына, чего бы он хотел, какой подарок привезти из космоса.

— Собачку, — твердит он свое.

— Я же говорил: собачку нельзя. Придумай что-нибудь другое. Хочешь камень гликонит — поющий камень? — подсказываю я.

— Собачку, — стоит на своем малыш.

Через двадцать лет любое мое теперешнее обещание не будет стоить ломаного гроша. К тому времени сын и сам будет знать, что собачку нельзя. Ввоз из космоса любых животных, тем более собак, категорически запрещен. И я упорно добиваюсь от малыша другой, выполнимой просьбы, расписываю ему прелести светящихся суммерийских кристаллов. Однако его не так-то просто сбить с толку.

— Папа, а правда, будто давно-давно на Земтере жили собачки? Или вранье?

— Нет, не вранье. Раньше собак не было в космосе. Даже на Ларте не было. Их завезли туда с Земтера. Какой же смысл привозить назад то, что раньше уже было? Лучше я раздобуду тебе...

— Собачку, — канючит сын.

Наклоняюсь к теплому личику, вплотную встречаю взгляд расширенных, ждущих глаз и заговорщически шепчу:

— Хорошо. Будет собачка. Только об этом ни гу-гу. Обещаешь?

— Даже маме нельзя? — замирая от счастья, шепотом спрашивает сын.

— Даже маме.

— Ни гу-гу! — восторженно обещает сын...

«Ну-ка, парень, возьми себя в руки!» — мысленно приказываю себе.

Многолетняя привычка управлять своим настроением действует безотказно. Главное — следить за собою, за тем, чтобы память не воскрешала ощущений и чувств, испытанных и пережитых когда-то. Именно это свойство нашей памяти губительно действует на состояние духа. Я усвоил это давно, еще на Земтере, готовя себя к будущему полету. Смешно, глупо и непозволительно раскисать из-за того только, что чувства мои умеют воскрешать давнее...

Все же я владею собой: не прошло и минуты, как я вновь способен рассуждать спокойно и здраво.

Держать собаку на корабле уставом не запрещалось. Нельзя только привезти ее на Земтер. Скорее всего, сын ничего уже не помнит. Но я сдержу слово. Пусть это покажется наивным и смешным — при встрече я напому ему

про щенка. Если он не забыл просьбу и щенок нужен ему, я нарушу закон. Кто-кто, а мы, навигаторы, знаем тысячи способов, как провести таможенников. Если сын ничего не помнит... Что ж, тогда щенок останется на корабле, будет развлекать очередную команду, которая примет у нас «Гроссмейстер».

Когда-то собаки водились на Земтере во множестве. Но в последние века никакого проку от них не стало. Кто-то из ученых подсчитал, сколько кубометров кислорода они ежегодно потребляют, и цифры потрясли. Не так уж много на планете стало чистого воздуха, чтобы расточать его на собак... Вскоре все государства подписали соглашение, и собак поголовно истребили. Они сохранились только в космосе и на Ларте, где кислорода было предостаточно. К тому же на Ларте собаки даже полезны: собачья упряжка — самый надежный транспорт на огромных заснеженных просторах. На Ларте всегда можно раздобыть щенка. Обычно оттуда они и попадают на космические корабли.

Многие навигаторы настолько сильно привязывались к собакам, что, когда приходило время, не могли с ними расстаться, тайком привозили их на Земтер. Образовалось даже подпольное общество собаководов. Против них изданы суровые законы, но люди ухитряются укрывать своих питомцев, идут ради них на всяческие жертвы.

Мой случай — совсем другое дело: я действую ради сына, ради того, чтобы перекинуть мост в свое прошлое.

Начала телевизионной программы я ждал с каким-то судорожным нетерпением. Даже не предполагал, что это известие так сильно взволнует меня. Через два часа на Ларте ненадолго запустят башню Эрго. Устроить попутно для нас прямую передачу с Земтера им ничего не будет стоить. Нас предупредили об этом заранее.

Двадцать лет мы получали с родной планеты лишь короткие сводки новостей — новостей, которые все меньше занимали нас.

С тех пор, как весь Земтер превратился для нас в бледную крапинку на черном экране навигационного визира, воспринимать всерьез происходящие на нем перемены стало невозможно. Телесная, грубая основа той жизни позабылась, ненадежная память хранила лишь зыбкие миражи прежних картин. Нашим миром стал «Гроссмейстер» — космический корабль среди незаселенного пространства. Мы пронизывали это пространство, даря ему гул реакторов и слабое возмущение силового поля.

И вот теперь, спустя двадцать лет, нам предстояло вновь соприкоснуться с чужими для нас жизнями, с непонятными заботами, переживаниями и волнениями.

Я испытывал нетерпение, совершенно непростительное для опытного навигатора. Но все же выдержал характер: включил экран, когда передача уже началась.

Дикторы попеременно читали сводку новостей, торопливо мелькали кадры хроники. У них там все осталось по-прежнему: войны, землетрясения, парламентские драки, ураганы, валютные кризисы, распри между истинными и праведными, сенсационные разоблачения министров и конгрессменов, политические убийства... Как будто и не было двадцати лет. Точно такую же крошку подавали в сводке новостей, когда мы покидали Земтер.

Но должны же быть перемены!

С вниманием разглядывал я невиданный покрой платья и громоздкую прическу дикторши — нечто похожее как будто было в позапрошлом веке. И уже совсем нелепыми выглядели сверкающие нашлепки на пиджаке диктора, который к тому же был наголо острижен. Впрочем, и это было уже когда-то в моде. Да и вовсе не моды занимали меня: по этим ничтожным приметам я пытался представить себе размах совершившихся перемен.

После новостей шел фильм. Признаюсь, многое в нем осталось непонятным. Но не потому, что были запутанными сюжетные ходы или же постановщик очень сложно воспринимал окружающий мир и изображал его по-своему. Нет, этого не было, фильм был средненьким, обычным.

Путался я из-за другого: не находил соответствия между тем, что произносят герои, и тем, как они ведут себя, как улыбаются, как выражают радость и страдание. Создавалось впечатление, будто все происходит шиворот-навыворот. Я отлично знал, что никакого противоречия на самом деле нет: герои ведут себя именно так, как принято теперь, а не двадцать лет назад. Это ведь в прежние века, когда жизнь на Земтере не была так стремительна, жесты и мимика сохранялись неизменными в течение столетий. Не говорю уже о таких пустяках, как обстановка. Из старой, знакомой мебели вообще ничего не сохранилось. Неузнаваемы стали и городские улицы.

Однако и к новой форме кресел, и к диковинному виду автомобиля можно привыкнуть. А вот как общаться с людьми, если самая что ни на есть любезная фраза сопровождается теперь гримасой отвращения, а с безобидной шуткой уживается звериный оскал? Попробуй тут разобраться.

Нет, Земтер несколько не манил меня. Было страшно сознавать, что прошлое кануло безвозвратно. Сила инерции, сообщенная кораблю и астероиду двигателями, неумолимо приближала нас к чужой, незнакомой планете, населенной людьми из непонятного будущего.

Просигналил пульт внутреннего видефона. На экране возникло курносое мальчишеское лицо с наивными широко открытыми глазами, напряженными от затаенного любопытства.

— Мне нужно поговорить с тобой, — решительно выпалил юнец.

— Говори, — я сделал попытку улыбнуться: не хотел с первого раза отпугнуть это милое существо.

Странно только, почему меня не известили, что на корабле появится ребенок? Вероятно, сын нейроквантика или попечителя.

— Ты всегда такой сердитый?

Наверное, за двадцать лет я разучился улыбаться — привычка командовать и распоряжаться сделала свое. Если уж мой тон показался ему сердитым...

— Вопросы потом. Сначала познакомимся, — предлагаю ему и улыбаюсь во весь рот, даже скулы заломило — отвыкли. — Я командир корабля. Мое имя Памелл. А кто ты?

— Зиная — попечительница мальков, — произносит странное существо. В голосе слышится изумление.

Изумляюсь и я. Теперь и сам отчетливо вижу: на экране вовсе не мальчишка, а молодая особа. Только, будь она актрисой, ей, с ее ростом и лицом, всю жизнь пришлось бы играть роли мальчишек.

— Ты хочешь видеть пирата? — спрашивает она.

Хоть я и настроен благодушно, но допускать глупые шутки на борту «Гроссмейстера» не имею права.

— Сколько тебе лет? — спрашиваю я.

— Семнадцать. — Похоже, мой вопрос обидел ее. — Уже семнадцать, — повторила она. — Так тебе показать пирата?

— Я очень рад, что познакомился с тобой, Зиная, но в следующий раз прошу обходиться без шуток. Связываться со мной можно только по делу. — С этими словами я отключил связь.

И тотчас услышал назойливый сигнал: кто-то уже добивался разговора со мной. Впрочем, я ошибся, это опять была Зиная.

— Ты ничего не ответил, командир. Я спрашиваю про пирата.

— Какого еще пирата?

— Обыкновенного, — мое раздражение непонятно ей, — Ты же просил щенка.

— Так это щенка зовут Пиратом?

— Ну, конечно! Какой ты недогадливый... Ой, прости, пожалуйста, — искренне огорчилась она. — Меня предупреждали: к тебе нужно обращаться на вы и соблюдать почтительность. Только я не умею.

— Можешь обращаться ко мне на ты, — разрешил я. В уставе по этому пункту не было никаких оговорок, так что нарушения дисциплины не будет. — Я подумал: ты шутишь, когда

сказала про Пирата. А на корабле шутки запрещены.

— Забавно! — воскликнула она и ненадолго исчезла из кадра. Появилась снова, держа на руках неуклюжее длиннолапое существо, обросшее шерстью. Щенок испуганно запищал, Зиняя прижала его к щеке. Он облизал ее. Меня невольно передернуло. Паршивый слюнявый зверек. Странная она, эта Зиняя, если позволяет лизать себя какому-то уроду.

— Видишь, какой он милый? — сказала она. — Сейчас я быстренько принесу его.

Я знаю, что быстро у нее не получится. На Ларте их, конечно, готовили к полету. Но одно дело испытать невесомость на стажировке в нулевой камере, другое — на корабле в открытом космосе.

Искусственная гравитация на «Гроссмейстере» создана только по периметру оболочки — там, где размещены служебные помещения, тренировочный зал, фермы, кухня и жилые каюты. Длинный, почти километровый коридор вдоль центральной оси корабля лишен гравитации. Свободно по нему передвигаются одни автоматы-спецкурьеры, а люди либо пользуются поручнями, либо надевают особые ботинки на присосках.

Я включил экран, показывающий перспективу коридора. Увидел Зинаю. Она повисла в воздухе, одной рукой вцепившись в поручень, другой удерживая щенка. Похоже, она потеряла ориентировку. Однако ни испуга, ни растерянности не испытывала — одно любопытство. Мне даже показалось, будто она разговаривает... Интересно, с кем? Уж не со щенком ли?

Немного спустя Зиняя появилась в моей каюте. На ней был светящийся оранжевый комбинезон с искусственным обогревом — такие носят на Ларте. Брюки и куртка плотно облегли ее фигуру.

Для непривычного человека входная дверь, расположенная на потолке, выглядела довольно странно. Именно там, вверху, и появилась Зиняя. Первые шаги она торопливо сделала по покатоному потолку, постепенно, с появлением гравитации, обретая устойчивость.

Ступив, наконец, на пол, где искусственная сила тяготения была нормальной, Зиняя опустила испуганно скулившего щенка. Он пробовал встать, но не удержался на нетвердых лапах, распластался на животе. Зиняя склонилась над ним.

— Вот мы и дома, глупышка. Нечего бояться, нужно привыкать... У кого-нибудь на корабле есть собака? — спросила она, взглянув на меня исподлобья.

— Нет.

— Как же так? — поразилась она. — Моей

Фебе не с кем будет играть. Пират же маленький! Она пока не привыкла к невесомости — сидит в каюте и скучает. Только за нее я не боюсь — Феба освоится... А прежде, на Земтере, у тебя была собака?

— На Земтере запрещено держать собак.

— Шутишь, командир!

— На корабле шутить запрещено.

Зиняя рассмеялась.

— Ты забавный. Как можно запретить шутки?

— А между тем, тебе придется привыкать к этому, — сказал я. На этот раз она поверила, что я говорю серьезно. — Ты должна раз и навсегда усвоить правило — никаких шуток. Привыкни всегда говорить внятно, разборчиво, избегай острот и метафор.

— Но как же... — Она смотрела на меня расширенными глазами, все еще с недоверием. — Зачем это нужно?

— Всем, кто находится на корабле, придется общаться с автоматами. Метафор и острот автоматы не усваивают. Из-за шуток может возникнуть аварийная ситуация.

На «Гроссмейстере» установлены автоматы, с которыми человек может общаться голосом: не нужно ни перфокарт, ни программистов. Именно благодаря этим новым автоматам команда корабля состояла всего из пяти человек. Существовало лишь одно неудобство. Любую фразу автомат понимал буквально. Многозначность нашего обычного словаря чужда ему. На стажировке многие из тех, кто претендовал попасть в штат «Гроссмейстера», отсеялись из-за неспособности выражать мысли однозначно — не могли отвыкнуть от каламбуров, шуточек и прочей дребедени.

Щенок тем временем напустил лужицу.

— К нему нужно быть внимательным и ласковым, — наставляла меня Зиняя. — Особенно сейчас. Ведь его только что отлучили от мамы.

Невольная гримаса отвращения на моем лице обидела ее.

— Ты, пожалуйста, не кривись. На первых порах он будет немного пачкать — это не страшно.

— Конечно, — поспешил согласиться я. — Сейчас же прикажу уборщику подтереть.

— Ишь какой! Привыкай сам... Знаешь что, — пришло ей в голову, — на первых порах я буду приходить и убирать за ним. Потом ты привыкнешь сам и обязательно полюбишь Пирата.

Я невольно улыбнулся. За кого она меня принимает? Как можно полюбить слюнявое глупое существо, пачкающее пол?

— Приходи, когда тебе захочется, — разрешил я. — Когда будет время.

— Времени хватит. Мне ведь только утром да вечером проверить, как чувствуют себя малышки.

— Малышки? — удивился я.

— Ну да. Я сопровождаю мальков — тут их пять миллиардов в бассейне. На Земтере хотят развести рыбу. У них ведь тоже теперь появится чистая вода, и в ней сможет жить рыба.

Вот оно что! Вот, оказывается, какой груз приняли мы на борт... Что ж, разумное решение. Ледяной астероид, который мы доставим на орбиту Земтера, позволит постепенно заменить воду не только в реках и озерах — во всех океанах. Так что мальки будут кстати...

Меня отвлекла Зиняя.

— Ты, оказывается, в шахматы играешь! — воскликнула она, увидев на моем столе две шахматные доски с расставленными на них позициями.

— Играю. Хочешь сыграть?

— Я их терпеть не могу.

— Вот тебе раз. Почему?

— Так... Ты, пожалуйста, будь повнимательней к Пирату, а то займешься шахматами и забудешь про него.

— Не забуду, — пообещал я.

— Мне пора, — сказала она, направляясь к двери. — Вечером я загляну к тебе.

Она с разбегу плавно взлетела к потолку и ухватилась за дверную ручку.

— Хочешь испытать свои силы — сразись с Джамасом. Он никому не проигрывает. А ты, пожалуйста, выиграй у него! Отбей у него охоту, очень прошу. А то он часами просиживает за доской. — Все это она выпалила, уже выйдя из каюты, но еще не захлопнув люка. — Так я приду вечером.

Я отключил контрольную автощеколду, чтобы ей не потребовалось вызывать меня. Пусть себе приходит в любое время и прибирает за щенком.

Так впервые за двадцать лет я нарушил корабельный устав. Я и не подозревал, к каким последствиям приведет мое попустительство.

Фразу о том, что Джамас часами просиживает за шахматной доской, я запомнил. Уж не участвует ли и он в турнире? Должно быть, у них на Ларте нет сильных шахматистов, потому Джамас никому и не проигрывает.

Почти все прошедшие двадцать лет я тем только и занимался, что играл в шахматы. Служебные обязанности командира корабля отнимали не так уж много времени.

Всемирные шахматные состязания начались вскоре после нашего отлета. «Гроссмейстер» еще был на пути к поясу ледяных астероидов, когда с Земтера поступило неожиданное приглашение всей командой участвовать в турнире. Собственно, это было даже не приглашение — нас попросту обязали включиться в игру.

На первых порах все мы буквально заразились шахматами. Я-то и прежде, на Земтере, увле-

кался, теперь же пристрастился к ним окончательно. Остальные четверо за последнее время заметно охладели к игре, обдумывать очередные ходы приходилось одному мне.

Но я не был на них в обиде. Дела мои шли совсем неплохо: пока я не проиграл ни одного матча. С каждым из соперников игралось одновременно десять партий. Были случаи, когда я выигрывал матчи всухую.

Мастерство мое с каждой сыгранной партией все больше оттачивалось. Видимо, я не случайно вышел в финальную пульку — в числе восьми сильнейших шахматистов. Победитель этого последнего турнира будет назван чемпионом Земтера. Я рассчитывал на лавры. Правда, именно в этом турнире дела мои шли пока не блестяще. Больше того, на одной из десяти досок невыгодная для меня позиция возникла уже после двенадцатого хода. Впору было сдаваться.

А именно в этом матче мне позарез нужна победа!

Так уж получилось, что с Глобом мы соперничали, начиная со школьной скамьи. Соперничали во всем: в уличных играх, в учебе. Потом вместе попали в школу навигаторов. И одними из первых выставили свои кандидатуры на должность командира «Гроссмейстера».

Каким только испытаниям нас не подвергали!

Проверочные тесты все усложнялись и усложнялись, претендентов становилось все меньше. Под конец борьба развернулась между Глобом и мною, остальные конкуренты намного отстали от нас по зачетным баллам. К двум заключительным турам мы с Глобом пришли с равными показателями. Признаюсь, я немного нервничал и побаивался. Никто из нас даже отдаленно не представлял себе, что означают коэффициенты Маура и Фита. А именно на эти коэффициенты нас испытывали в двух последних турах. Испытания проводили специалисты по нейроквантике, которую я не мог терпеть еще со школьной скамьи. Глоб увлекался ею. Но про Маура и Фита ничего не слышал и он.

Вначале испытывали на Маура. Экзаменатор задавал вопрос, на него нужно было незамедлительно отвечать. Поначалу мне казалось, что оправдываются худшие из предположений. Вопросы были преглупейшие, причем степень глупости все возрастала. Помню, например, такой тест: «Корабль находится в полете. Вам докладывают, что в запасной кладовой вместо горячего засыпан овес. Что вы предпримете?» Я ответил: «На корабле, который будут снаряжать под моим наблюдением, ничего подобного не случится: перед стартом я лично проверю все снаряжение, запасы, исправность механизмов и служб».

Как оценили ответ, я не знал, пока не объявили окончательного результата. И тут выяснилось, что я намного обставил Глоба: на все дурацкие вопросы он отделялся шуточками.

Следующая победа досталась еще легче. Меня заперли одного в пустой кабине. В руки дали рычаг, которым можно было водить влево, вправо, вверх, вниз, по кругу... В других кабинах точно такими же рычагами управляли еще девять человек. Мы не видели друг друга. На большом экране отражались результаты наших совместных действий. Задание состояло в том, чтобы перевести свою отметку выше других. И вообще — как можно выше. Я довольно легко справился с задачей: держал собственную отметку выше остальных девяти, хотя далеко не достиг верха экрана. Сделал несколько попыток подняться выше, но они сразу же внесли сумятицу, — чужие результаты тоже полезли кверху. Я снова уравнивал их, принудил держаться хотя бы на одно деление ниже. Этого оказалось достаточно для победы.

После Глоб рассказал, что и у него получалось то же самое, но ему непременно хотелось достичь верха. На том он и срезался.

Глоб болезненно переживал свое поражение. Поступил он довольно странно: забросил навигационную службу и устроился простым лаборантом в институт нейроквантики. Я был уверен, что никогда не услышу больше его имени. Но ошибся. Спустя всего лишь три года о нем заговорили, его имя промелькнуло даже в сводке новостей. И не просто промелькнуло — Глоба назвали ведущим нейроквантиком.

Пожалуй, это было первое известие, больно кольнувшее мое самолюбие. Получалось, что Глоб одержал надо мной верх. В будущем меня, конечно, ожидают почет и слава, может быть, не меньшие, чем у него. Но все это еще только будет...

За годы, прошедшие с той поры, мое отношение к славе, минувшей и будущей, сильно изменилось. Зависть давно уже не мучила меня. Но дух соперничества по отношению к Глобу сохранился. Я не мог примириться с его успехом.

К тому же мы вновь стали соперниками. Институт нейроквантики, который теперь возглавлял Глоб, также вышел в финал. Жребий свел нас в первом же матче. Официально мы играли против института в целом, но я был убежден, что мой противник — Глоб.

Я не представлял, какую обузу взвалил на себя, связавшись со щенком.

На ночь я оставил его в рабочей каюте: не хватало еще, чтобы он среди ночи нагадил у меня в спальне. Принял душ и собрался пристегнуться к постели, когда за перегородкой

раздался отчаянный вой, похожий на детский плач. Я невольно пожалел, что внутренние переборки сделаны без надежной звукоизоляции. Некоторое время терпеливо ждал, надеясь, что щенок утомится и затихнет. Не тут-то было — жалобный вой нарастал. Пришлось приказать себе: «Ну-ка, приятель, спи!» Привычка, выработанная многолетней практикой, подействовала. В свое время на тренировках я засыпал под непрестанный грохот и металлический скрежет и мог спать без просыпу сколько хотел. Однако на этот раз проспал не больше четверти часа. Надрывный плач щенка за перегородкой пронизывал меня насквозь.

Некоторое время я раздумывал, как поступить: вторично усыпить себя внушением или же позвать Зинаю — чтобы забрала своего визгуна.

Отстегнул страховочные ремни. Похоже, щенок чуял малейшие мои движения — в его голосе появились ликующие нотки. Когда я подошел к двери, он совершенно заливался от восторга, скребся в дверь. Я распахнул ее — теплый, возбужденно счастливый комочек прильнул к босым ногам. Затих.

«Ладно, пусть ночует здесь», — решил я.

Не зажигая света, начал застегивать ремни, на ощупь проверил, на месте ли переносный дубликат пульта. В случае внезапной аварии я мог связаться с любым отсеком корабля, лежа в постели. Правда, за последние двадцать лет этого ни разу не потребовалось.

Щенок сопел где-то под койкой. Потом опять начал тихонько подвывать.

— Чего тебе еще нужно? — спросил я.

Он ненадолго умолк. Я отчетливо слышал, как он сопит совсем близко от моего лица, должно быть, пытается дотянуться до меня носом. Непроизвольно я заслонился от него рукой — и тотчас он лизнул ладонь. Я отдернул руку.

Щенок опять заскулил.

— Прекрати! — в темноте я легонько шлепнул его ладошкой. Он опять успел лизнуть ее.

На этот раз я примирился, не отдернул руку. Похоже, только так и можно угомонить его. Он сразу же свернулся калачиком под койкой. Я слышал, как слабо колышутся его бока. Осторожно убрал руку. Он опять заерзал и заскулил, ища ее в темноте. Пришлось возвратиться ладонь на прежнее место. Щенок затих и тихонько засопел. Я так и оставил руку на его мягком и теплом теле, с удивлением прислушиваясь к какому-то неясному чувству, возникшему во мне. Даже и не чувству еще, а чему-то смутному и неопределенному. Щенок временами начинал пронзительно и жалобно скулить, я спросонок тихонько гладил его, и он затихал.

Так и проспали мы с ним первую ночь. Зачем-то ему необходимо было все время ощущать тепло моей руки.

Удивительно быстро я привык к бедламу, который устраивала Зиная в моей каюте. Я разрешил ей приводить с собой Фебу. Втроем они затевали такой гвалт и возню, что в ушах стоял звон. Их игры всегда были неистово шумными и буйными. Кажется, все трое рычали и грызли друг друга с каким-то безумным и счастливым остервенением. Впрочем, Зиная умудрялась кое-чему наставлять Пирата, и довольно-таки успешно. Он перестал пачкать и мочиться где попало, ходил в отведенное место.

Феба, здоровенная лохматая черно-белая собака, на первых порах недоверчиво косилась на меня. Стоило сделать резкое движение, немало повысить голос, как она вскакивала и рычала. От более решительных действий ее удерживал окрик Зинаи. Но постепенно она привыкла ко мне.

Они ничуть не мешали мне. Я занимался своими делами, Зиная на полу возилась с собаками.

Меня поразила необычная тишина в каюте. Я даже подумал, что Зиная и Феба ушли, а я просто не заметил — когда. Но нет, все трое были здесь. Пират, уставший и разомлевший от долгой возни, спал, растянувшись на полу. Феба в настороженной позе сидела подле него. Удивила меня Зиная. Она гримасничала, стоя перед большим зеркалом, при этом заглядывала в какую-то книжку, словно сверяя, так ли делает.

— Ты чем занимаешься?

Похоже, я застал ее врасплох — она смутилась.

— Учусь мимике.

— Мимике?

— Я же ничегошеньки не умею! У нас на Ларте все по-другому. Мы все хорошо знаем друг друга, нам ничего не нужно скрывать. А на Земтере... Меня предупредили: я должна научиться скрывать свои чувства. Иначе меня просмеют. Это правда? Ты же земтерянин.

Увы! Я был такой же земтерянин, как и она. Насколько же мы оказались близки с нею: нас тревожило одно и то же. Зиная летела на Земтер поступать в институт. Поэтому и напросилась сопровождать мальков и помогать нейроквантику. Дело для нее привычное: она и на Ларте занималась тем же. Ее, как и меня, как всех нас, пугала встреча с незнакомыми людьми. Я невольно сравнил ее поведение с тем, что видел недавно в фильме. Да, Зиная права — ничего похожего. Но до чего же все просто! Почему это не пришло мне в голову раньше? Конечно же, у земтерян и мимика, и жесты служат одной цели — скрывать свои чувства.

С этого дня Зиная стала консультироваться у меня, совершенно не принимая моих отговорок.

— Если я встречаюсь с человеком, который

почему-то неприятен мне, я все равно должна улыбаться ему?

— Да, раньше было принято так. Теперь — не знаю.

— Но вот у меня справочник, — показала она книжку. — Это последний.

Я взглянул на обложку: «Пособие по правилам этикета на Земтере». Уроки сопровождались рисунками. Господи, какое многообразие: одних только улыбок больше ста. А ведь я научился улыбаться. Впору было упражняться вместе с Зинаей...

— Посмотри, как у меня получается?

Зиная изобразила странную гримасу, чуточку оскалила верхние зубы. Я попытался найти соответствующую диаграмму в книжке. Ничего похожего.

— Зачем тебе книжка? Она только сбивает тебя с толку. Улыбаться ты и без нее умеешь.

— Но ведь придется улыбаться и тем, кто неприятен мне! Я не смогу.

— Ну что ж, учись по книжке... Если такую книжку выпустили, значит, по ней можно научиться.

С каждой секундой «Гроссмейстер» приближался к Земтеру. Двенадцать миллиардов населения планеты с нетерпением и надеждой ждали нас.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Джамас попросил разрешения встретиться.

С появлением щенка рабочая половина моей каюты утратила официальную строгость. Правда, стараниями Зинаи и автоуборщика безупречная чистота соблюдалась по-прежнему, но уже одно присутствие Пирата вносило беспорядок и хаос. Я не хотел, чтобы у Джамаса сложилось обо мне превратное мнение, и на время запер щенка в спальней половине каюты.

Скорее всего, Джамас был не чистокровным вафием, а метисом. Так, во всяком случае, решил я, увидав его близко. Трудно сказать, что именно в его внешности выдавало примесь другой крови, — пожалуй, цвет глаз и форма носа. Были еще и другие неуловимые приметы, которых я не могу назвать точно... Однако внешняя бесстрастность и неподвижность лица — то, что всегда поражало меня в вафиях, — у Джамаса отшлифованы до предела. Ни одна черточка его смуглого и широкого лица не дрогнула, когда мы обменивались любезностями. Его улыбка производила странное впечатление — она как будто была лишь одним из отрететированных выражений его лица. Как раз то, чего безуспешно добивалась Зиная.

Я не уловил момента, когда улыбка исчезла.

Взгляд нейроквантика остановился на моем лице. Это не был изучающий и пристальный взгляд: просто по этикету Джамасу теперь полагалось смотреть на меня — и он смотрел.

— Я хотел бы ознакомиться с подробной схемой маршрута, — сказал он.

Достав из сейфа карту, я разложил ее на столе, передвинув шахматную доску с фигурами на самый край. В шифровке пункт, касающийся навигационной карты, был оговорен — Джамасу я имел право показать. Ему потребовалось знать точное положение всех ближайших точек либрации и периодических источников нейтронного излучения.

Несколько минут он изучал карту пристально, похоже, в уме делал какие-то расчеты.

— Превосходно, — сказал он наконец.

— Вы можете изучить карту более детально.

— Не беспокойтесь. Все нужное я запомнил, — заверил Джамас.

Пират, до этого сидевший смирно за перегородкой, вдруг начал лаять и скрестись в дверь. Он вообще не переносил, когда его запирали в комнате одного.

Джамас взглянул на перегородку.

— Щенок, — объяснил я ему.

— Пират? — сказал он. — Любопытно, каким он стал.

Признаюсь, меня удивило, что он помнит какого-то щенка.

— Можете взглянуть.

Я открыл дверь. Пират прыгнул мне на грудь, лизнул руку. Потом с такой же радостью кинулся к Джамасу.

— Вырос, — сказал тот, потрепав щенка.

К моему изумлению Пират затих и улегся в ногах у нейроквантика. Как будто вмиг усвоил иные, чем обычно, правила поведения. Только уши насторожил, слушая голос Джамаса.

— Добрый пес вырастет, — сказал нейроквантик, разглядывая в то же время шахматную позицию.

Это была все та же злополучная партия, исход которой был предопределен неравенством сил.

— Вы участвуете в финальной пулке, — сказал Джамас. Не спросил, а просто сказал.

— Участвую. Увы, начало мало обещающее.

— М-да, вашу позицию не назовешь блестящей. И что собираетесь делать?

Я передвинул доску в центр стола и показал задуманный ход. Несколько минут Джамас изучал позицию. Ничего не сказав, поднялся.

— Я оторвал вас?

— Сейчас мои обязанности не так уж сложны — времени хватает. Заходите в любое время. Если интересуетесь, — я кивнул на шахматы, — как член экипажа, имеете право высказать свои соображения. Зиная аттестовала вас превосходным мастером.

— Зиная... — проговорил он, как будто не мог сразу припомнить, о ком речь. — Зиная думает, я могу все. Если бы она была права. — На этот раз Джамас улыбнулся — именно улыбнулся, а не изобразил улыбку, как в начале нашей встречи. — Впрочем, охотно воспользуюсь вашим предложением, — неожиданно согласился он. — Хотя не уверен, что моя помощь нужна: я слышал, вы очень сильный шахматист.

— Пока мне везло.

— Только знаете, что... — он немного помедлил. — Прежде чем стать вашим союзником, я хотел бы просмотреть запись партий с самого начала. А если можно, то и всех партий, сыгранных вами.

— Пожалуйста, — я охотно вручил ему свой шахматный блокнот.

— ...Понимаешь, эксперимент чрезвычайной сложности. Джамас может не уложиться в срок. Он сам говорил об этом. И тогда... Я просто не знаю, что будет тогда...

Интересно, с кем она разговаривает? Я только что закончил очередной еженедельный обход корабельных служб и установок, ненадолго прилег и задремал. Меня разбудил голос Зинаи за перегородкой. Никому, кроме нее, я не позволял входить без спроса в свою каюту. Если я немедленно не пресеку этого, корабельный устав полетит к чертям. С меня достаточно Пирата и Зинаи с ее Фебой.

Распахивая дверь, был уверен, что застану в каюте Джамаса либо еще кого-нибудь, но в комнате только Зиная, Феба и Пират. Не с собаками же она разговаривала? Пират, увидев меня, обрадованно подбежал, и я машинально приласкал его — рука уже привыкала к этому.

Видеофон тоже выключен.

— С кем ты разговаривала?

— С ним. — Зиная простодушно глядит на меня. Стремительность, с какой я ворвался в комнату, удивила ее.

— С псом?

Я невольно рассмеялся. Зиная потупилась.

— Это очень глупо? Да?

— Не знаю, — растерялся я. — Мне никогда не приходило в голову, что с ним можно советоваться. Он же ничего не понимает!

— Неправда — понимает. Он только говорить не умеет.

Я не стал спорить. На своем Ларте Зиная, конечно, не могла получить нормального воспитания... У меня была другая цель. Моим союзником была внезапность, я решил действовать напролом.

— Что тебе известно про эксперимент?

На секунду она замаялась. Меня кольнуло угрызение: зачем же я толкаю ее на преступление?

— Ты спрашиваешь про эксперимент, который готовит Джамас?

— Да. Только предупреждаю: если работы засекречены...

— Засекречены. Я расписывалась в бумаге, что буду молчать.

— А готова разболтать тайну кому попало, — укорил я ее.

— Но ведь тут нет посторонних.

— А Пират? Он же все понимает. — Пренебрегая уставом, я решил обратить наш разговор в шутку.

— Джамас говорит, что все это бредни — вся наша шпионбоязнь. Так мы перестанем доверять даже друзьям.

— Джамас не очень-то воздержан на язык. К добру это не приводит. Поменьше слушай его... На борту корабля я запрещаю тебе разговаривать об эксперименте с кем бы то ни было.

Признаться, я был доволен собою: сумел-таки подавить в себе соблазн. Да еще и Зинае преподал урок.

— Хорошо. Раз ты велишь, я буду молчать.

— По уставу нужно ответить: «Ваш приказ понят».

— Да, но... Джамас говорит, что все ваши уставы — детская игра.

— Опять Джамас! Забудь все, что он говорил. В конце концов, кто он такой?

— Он лучший нейроквантик, — горячо заступилась она.

— Ты и об этом берешься судить?

— Но я же готовилась! Я собираюсь поступать на факультет нейроквантики.

Да, разумеется. Находясь с нею, я как-то всегда забывал, что она почти взрослая и в самом деле может знать что-то такое... И опять у меня возник соблазн выпытать у нее кое-что.

— Возможно, ты слышала про коэффициенты Маура и Фита?

— Конечно.

— Впрочем, они засекречены, — вовремя удержался я. — У меня нет допуска к высшей нейроквантике.

— Какая же высшая! — возмутилась она. — Азбука. Про эти коэффициенты знают школьники. Это когда-то их держали в секрете.

«Когда-то! — мысленно возмутился я. — Всего двадцать лет назад. Впрочем, двадцать лет назад ее самой не было в помине».

— Что же они означают? — спросил я.

— Маура — способность к логическому мышлению, а Фита — притязаний.

— Притязаний?

— Ну да. Каждый человек в жизни достиг чего-то, а рассчитывает на большее. Коэффициент и определяет — какого он мнения о себе, какая роль может его устроить. Думать о себе человек может одно, а на самом деле...

— А коэффициент Маура?

— Способность мыслить строго логически, с помощью однозначных понятий и терминов. Самый высокий Маур у счетных машин — сто процентов.

Зиная, разумеется, не подозревала, какую пищу для размышлений преподнесла мне. Невольно я вспомнил давние экзамены, наше соперничество с Глобом. Кто же из нас на самом деле потерпел поражение? Не случайно от нас скрывали, что именно обозначают таинственные коэффициенты.

Впрочем, Глоб, кажется, уже тогда кое-что знал или догадывался. Помню его слова: «Они ошиблись, Памелл: ни я, ни ты не подходим на роль командира. Им лучше выбрать одного из тех...» Под «теми» Глоб подразумевал парней, которые срезались на предварительных экзаменах. «Хотя поручиться не могу», — загадочно прибавил он, с каким-то особым вниманием оглядывая меня.

Вот этой последней его фразы и странного изучающего взгляда я не мог объяснить себе тогда. За что он не мог поручиться? И почему он считает, что лучше было назначить командиром «Гроссмейстера» одного из неудачников?

«Он попросту завидует мне», — решил я.

И вот теперь я понял кое-что. Я догадался, как именно проводились испытания на коэффициент Фита — коэффициент притязаний. Экран, ползающие по нему десять линий, рукоятка, которой можно управлять, заранее были установлены так, что лучшего результата, чем тот, которого добился я, получить невозможно. Не было, разумеется, никаких девяти других испытуемых в соседних кабинах, да и самих кабин не было. Сплошное надувательство и бутафория. Глоб не удовлетворился положением своей метки просто выше других, хотел непременно поднять ее на самый верх. Из этого они заключили, что у него чересчур высок коэффициент притязаний и роль командира корабля не устроит его надолго. За двадцать лет он попросту свихнется. Мою же психику признали более устойчивой.

На должность командира им нужен был здоровый и крепкий мальчик, умеющий ворочать мозгами, когда требует обстановка, но в то же время не задающий лишних вопросов. Скажут ему: отвыкни от острот и метафор — пожалуйста, отвыкнет, станет серьезней монумента...

Смутный протест зарождался во мне — против Глоба, против нейроквантиков, сыгравших над нами злую шутку.

Не очень я доверял и Джамасу: как-никак, он тоже нейроквантик. Мне нужно хотя бы в общих чертах иметь представление об эксперименте, который он собирается проводить. Почему в шифровке ничего не сказано об этом? Выходит, они не доверяют мне? Что ж, если так, буду действовать на свой страх.

— Что за эксперимент проводит Джамас?

То ли Зинаю не проинструктировали хорошенько, то ли она растерялась от неожиданности, но секрет она выдала сразу.

— Джамас хочет воссоздать у Элиона нейронные связи.

— Элион? Что за Элион?

— Это первый робот на биомолекулярной основе. Пока он тумба тумбой. Но Джамас обещает сделать его мудрецом.

— Что значит — на биомолекулярной основе?

— Он создан из клеток. И даже питается, как живое существо.

— Как живое существо?! Но разве Джамасу не известно, что на корабле не должны находиться посторонние?

— Запрет распространяется только на людей. На роботов нет запрета.

— На роботов — да, — подтвердил я. — Но не на каких-то биомолекулярных субъектов. Как он выглядит, этот Элион?

— Он противный!

— На что он похож: на человека, на животное?

— Он мерзкий...

Более точного определения я не добился от нее. И вовсе не потому, что она не хотела выдать тайны. Едва речь заходила про Элиона, у Зинаи появлялась гримаса гадливости, и она твердила одно и то же: «Он противный. Он мерзкий. Не переносу его».

Формально я мог ни во что не вмешиваться: согласно приказу Джамас имел право взять на корабль необходимое снаряжение и оборудование. Какое именно — его дело. Мне не дали указаний проверить. А очень похоже, что тут пахивало киборгом. Запрет на них пока еще не снят. Так что, если я не приму мер, меня не поглядят по головке. Нужно действовать.

— Разрешите, командир?

Я взглянул вверх: Джамас повис в распахнутом створе входного люка.

Пират с разгону кинулся навстречу нейроквантику. Он уже наловчился управлять своим телом в невесомости: оторвавшись от пола, едва заметными движениями хвоста лавировал в воздухе.

— Входите.

Джамас в воздухе потрепал загривок Пирату. Оба они по окатой стене спустились на пол. Мельком я отметил восторг, вспыхнувший на лице Зинаи. Феба степенно приблизилась к нейроквантику, головою потерлась о его ноги.

Я показал Джамасу на кресло. Разговор об Элионе решил пока не затевать. Вначале выясню, с чем он явился ко мне. Пират, как и при первой их встрече, быстро утихомирился, раз-

легся на полу под ногами Джамаса. Зиная и Феба тоже притихли.

— Вы послали очередные ходы? — спросил Джамас, поглядев на шахматы.

— Да.

— Берусь предсказать ответные ходы вашего партнера, — объявил он. В его голосе мне почудилась хитринка, да и на лице промелькнуло нечто похожее. Оно вовсе не было таким бесстрастным, каким казалось мне при нашем первом свидании.

— Какие же? — Джамас сумел заинтриговать меня: откуда он может знать, как поступит Глоб?

— Мне нужно связаться с Элионом. Можно от вас?

— Свяжитесь. — Это хорошо, что он сам упомянул про Элиона. Невольно я заметил, как насторожилась Зиная.

Джамас включил походный датчик и по радио передал Элиону ходы, сделанные мною на всех десяти досках.

Некоторое время длилось молчание. Мне опять показалось, будто на губах нейроквантика скользнула загадочная улыбка.

Вскоре пришел ответ. Мы по очереди расставили все десять позиций, и Джамас сделал ответные ходы, сообщенные Элионом.

Не такой уж чурбан этот Элион, как считает Зиная: его ходы не были заурядными. Возможно, Глоб именно так и ответит.

— Кстати, поскольку зашел разговор об Элионе, я хочу знать, в чем заключается ваш эксперимент? И что такое Элион?

— Что ж, я мог бы рассказать хоть сейчас. Но лучше вам увидеть все своими глазами.

Признаюсь, меня даже несколько огорчила готовность Джамаса удовлетворить мое любопытство.

— Отправимся сейчас, — сказал я.

— Зиная, ты мне понадобишься, — сказал Джамас. — Твои питомцы обойдутся без тебя?

— Обойдутся. Я заглядывала к ним недавно. Можно взять Пирата и Фебу?

— Можно, — разрешил Джамас. — Только не пускать в лабораторию.

Сопровождаемые собаками, мы направились к месту сочленения астероида с «Гроссмейстером», туда, где находился переход в спортивный зал и глубинный туннель.

Рядом с громадой-астероидом «Гроссмейстер» всего лишь булавоочная иголка. Если смотреть со стороны в сильный телескоп — скажем, именно так могли видеть нас с Ларта, когда мы крутились у них на орбите, — можно отчетливо различить светящуюся отраженным светом глыбу льда и воткнутый в нее железный гвоздь. На самом же деле наш корабль около трех ки-

лометров в длину, а его диаметр больше ста метров.

Специальные антенны, установленные на трех спутниках, сопровождающих астероид, позволяют мне видеть извне ледяную громаду и воткнутую в него иглу «Гроссмейстера». С тех пор, как мы взяли курс на Земтер, я ежедневно осматриваю астероид, проверяю, не появились ли трещины и расколы. Хотя автоматическая система контроля при малейшей опасности сама даст сигнал тревоги, я обязан регулярно вести наблюдения. За десять лет моя зрительная память запечатлела тускло мерцающий космический айсберг во всех подробностях...

Мы достигли соединительного тамбура, через который можно попасть из корабля в ледовый зал. Десять лет назад здесь не было ничего, кроме спортивной арены: устав обязывал каждого из нас не менее трех-четырех часов в сутки заниматься физическими упражнениями.

Пока автоматы готовили кабину, которая по двухсоткилометровому туннелю доставит нас в глубь астероида, Зиня не утерпела, нацепила коньки. В своем светящемся алом костюме, сопровождаемая собаками, она исполняла такие трюки, что невозможно было оторвать глаз.

Джамас первый забрался в кабину и подал сигнал. Зиня сбросила коньки, собаки послушно запрыгнули внутрь по ее команде.

Путешествие заняло несколько минут. Кабина пришвартовалась возле тамбура, ведущего во владения Джамаса. Круглый коридор изнутри обтянут теплозащитной пленкой. Сквозь нее просвечивал лед. При свете наших походных фонарей он вспыхивал всевозможными переливами красок.

— Правда, хорошо? — сказала Зиня. Мы с нею чуточку приотстали от Джамаса.

— Красиво, — согласился я.

Лаборатория нейроквантика была довольно просторной. Частично под нее использовали естественную полость, существовавшую в астероиде. Стены, потолок и пол облицованы непрозрачными изоляционными пластинами.

Близ дальней стены за широченным рабочим столом на вращающемся стуле спиной к нам сидел человек. Или же существо, сильно похожее на человека. Какая-то необычная скованность была в его позе. Я догадался, что это и есть Элион. Справа в углу виднелись привычные очертания счетной машины.

— Здравствуй, Элион, — ровным голосом произнес Джамас.

— Здравствуй, Джамас, — бесстрастно отозвался тот.

В отличие от роботов, которые обслуживали «Гроссмейстер», в голосе Элиона не слышалось дребезжания, он показался мне даже похожим на голос Джамаса.

— Я пришел не один.

— С тобой Зиная.

— Не только она. Лабораторию посетил командир корабля.

— Здравствуйте, шеф, — Элион медленно повернулся к нам.

— Здравствуй, Элион, — машинально проговорил я, уставившись на робота.

Не остолебенел я лишь потому, что умею владеть собой. Робот, сидящий в кресле, был точной копией Джамаса.

Пират подбежал к Элиону, обнюхал ботинки и равнодушно отошел в сторону. Вслед за ним то же проделала Феба. Истукан, сидящий за столом, нисколько не заинтересовал собак.

— Зиная! — голос Джамаса прозвучал непривычно властно и раздраженно.

— Я не смогла их удержать, — оправдалась Зиная.

— Больше твои собаки не появятся здесь. Я запрещаю тебе брать их с собою. Сейчас же выдвори!

— Феба, Пират, ко мне! — скомандовала Зиная.

— Кто это? — произнес Элион, провожая собак взглядом застывших глаз. — Это живые существа, потому что они передвигаются.

— Да, живые существа — собаки, — подтвердил Джамас. — Ты угадал. Но запомни: одного признака — передвигаются — для точного определения еще мало. Ты должен установить: передвигаются по своей воле или же им задана жесткая программа.

— Фокус устарел, — сказал я. — Зачем вам понадобилось делать автомат похожим на человека? От этого давно отказались.

— Это не совсем то, что уже было... Элион, спать!

— Повинуюсь, — ответило чучело и, откинув голову на мягкое изголовье, мгновенно затихло, как бы окостенело.

Впрочем, заметно было, что Элион вроде бы дышит — редко и глубоко, как спящий человек.

— Наверное, я должен был заранее подготовить вас к тому, что вы встретите, — сказал Джамас. — Но слишком многое мне пришлось бы объяснять на пальцах. Теперь вы видели Элиона сами и скорее поймете меня. Я велел ему заснуть. Думаю, вам с непривычки не очень приятно разговаривать в его присутствии. Тем более, что он непременно стал бы перебивать наш разговор, задавать вопросы — такова у него сейчас программа.

В комнату вбежала Зиная, захлопнула дверь перед самым носом одураченных собак.

— Многие почему-то недолюбливают его. Не так ли, Зиная?

— Недолюбливают? — с вызовом переспросила та. — Мягко сказано.

— Ты, как всегда, откровенна. Молодчина, —

похвалил он ее с оттенком иронии в голосе. — Достань расчеты.

Слева помещался просторный шкаф, встроенный в ледяную стену. Зиная открыла его, извлекла объемистую папку.

Джамас разложил на столе диаграммы и схемы.

— Здесь все, что относится к нашему эксперименту, — сказал он. — Хотите познакомиться?

Хотя предложение казалось вполне любезным, в нем — я так решил — был и скрытый подвох. Джамас ведь отлично понимал, что все его схемы и чертежи для меня сущая тарабарщина. Один, без чьей-то помощи, я не разберусь в них.

Я пожалел, что в свое время не увлекался нейроквантикой. И все же не настолько я туп, чтобы не разобраться в этих чертежах и формулах с помощью элементарного учебника, который найдется в корабельной библиотеке...

— Я заберу ваш расчет, — сказал я Джамасу. — Вникну на досуге. Это должно быть очень увлекательно.

Лицо Джамаса не выразило никаких чувств.

Либо он абсолютно уверен, что самостоятельно я не разберусь в его бумагах, либо тут скрыто что-то другое.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Нелегкую взвалил я на себя задачу. Я уже на два раза бегло пролистал бумаги, пытаюсь отыскать хоть одну знакомую формулу. Ничего. Толстенный учебник нейроквантики лежал на моем столе. Мне даже раскрывать его не хотелось. Может быть, я все же избрал неверный путь? Проще было вынудить Джамаса подробно рассказать про эксперимент, придраться к чему-нибудь, хитроумными ловушечными вопросами заставить проговориться...

Я ограничился полумерами. Отдал распоряжение опекунам следить за каждым шагом Джамаса. Пока он будет находиться внутри корабля, я могу оставаться спокоен. Жаль, что в его лаборатории опекуны не установлены. Мое упущение. Я должен был позаботиться об этом еще на орбите Ларта, когда автопроходчики сооружали ледовый туннель и зал для лаборатории...

Опекуны — роботы специального назначения. О том, что они есть на корабле, никто, кроме меня, не знает. У них лишь две задачи: первая — наблюдать и доносить, вторая — взять под арест любого человека по моему приказу. Первую задачу опекуны выполняли, не выдавая себя: они искусно вмонтированы в различных местах — где в стене, где в балке или колонне. Пульт дистанционного управления ими всегда при мне. Двое опекунов установлены в соеди-

нительном тамбуре, при необходимости я могу приказать им не выпускать Джамаса из корабля. Пока же приказал лишь докладывать мне обо всех, кто направляется в спортивный зал.

Поэтому сейчас я отлично знал, что Джамас за последние сутки не покидал корабля. Зная выходила несколько раз ненадолго, проводывала своих мальков.

Пришел ответ на мои очередные ходы. Признаюсь, я обрадовался возможности отвлечься от мрачных предчувствий. Меня поджидал сюрприз. До сих пор я не очень-то верил, что Элион способен отгадать намерения Глоба. Но на всех десяти досках ходы, сделанные Глобом, в точности совпали с предсказанными. Теперь я уже не смогу обдумывать шахматную позицию без того, чтобы не вспомнить Элиона. Этак он, чего доброго, и за меня сыграет!

Появился лишний повод увидеться и поговорить с Джамасом. Я справился у опекунов, где он находится, и связался с ним.

— С Земтера поступили очередные шахматные ходы, — сказал я. — Вас это интересует?

— О, да! — воскликнул он.

— Взгляните. — Я направил дополнительный объектив на позиции, расставленные на рабочем столе, и добавил: — На остальных досках тоже полное совпадение.

— Так и должно быть, — в его голосе прозвучало удовлетворение. Похоже, что, хотя он и ждал подобного результата, все же кое-какие сомнения у него до этой минуты еще были.

— Почему вы уверены, что Глоб должен был рассуждать именно так, а не иначе?

— Хотите проверить себя? — предложил Джамас. — Проверить, сможет ли Элион предугадать ваши ответы?

— Любопытно, — согласился я.

— В таком случае посвятите ближайšie два-три часа шахматам: обдумайте свои ходы. А я дам такое же задание Элиону.

Похоже, что у Пирата возникли собственные привычки. Едва появился Джамас, щенок забрался к нему под кресло и задремал.

Ответы Элиона совпали с моими лишь на трех досках. В одной позиции ход, предложенный роботом, пожалуй, был точнее моего. На остальных досках я бы не стал следовать его рекомендациям. Особенно в партии, где у меня было явно худшее положение.

— На этот раз Элион промахнулся. Видимо, совпадение с ходами Глоба было случайным.

— Случайным? На всех десяти досках!

Да, он, конечно, прав: слишком странное совпадение.

— Я ждал этого, — сказал Джамас. — Ваши ходы и ходы Элиона не должны быть одинаковыми. И трех-то совпадений много.

— Почему же с Глобом стопроцентное совпадение?

— Вы уверены, что против вас играет Глоб?

— Кто же? Лабораторией заведует он. Если даже в обсуждении позиций участвуют другие сотрудники, все равно решающее слово за Глобом. Я знаю его слишком хорошо. Он еще в школе увлекался шахматами и неплохо играл уже тогда.

— Об этом и я знаю. — Джамас словно бы не договаривал чего-то.

— Вы знакомы с ним?

— Нет. Но про его увлеченность шахматами известно всему миру: ведь создание шах-программ для счетных автоматов — его идея.

— А почему же тогда вы думаете, что играет не он?

— Я убежден в этом. Не он и не его сотрудники. Против вас играет счетный автомат. По программе, разработанной Глобом.

— Чепуха! — не удержался я от негодующего возгласа.

— И все-таки все прошедшие годы вы состязались со счетной машиной. Подвох я заподозрил с самого начала, но окончательно убедился в этом лишь теперь. Помог Элион.

— По-моему, вы заблуждаетесь, — сказал я и обрадованно улыбнулся пришедшему на ум доводу. — За прошедшие годы состоялось пять отборочных турниров. В каждом очередном играли победители предыдущих. И должен заметить: на новом этапе мне всегда приходилось встречаться с более сильным соперником.

Довод выглядел убедительным, но Джамасу, судя по улыбке, скользнувшей по его лицу, было что возразить.

— Так и есть. Я внимательно изучил все ваши партии и могу судить об этом. У машины накапливался опыт, и на каждом этапе Глоб вносил поправки и дополнения в алгоритм. Улучшалась программа, по которой играла машина. Иначе не имело и смысла затевать все это. Возможно, что и машина тоже совершенствовалась, но это уже не главное, главное — программа. Вы, разумеется, слышали об истории шахмат?

— Очень смутно, — признался я. — Знаю только, что они появились у нас всего лишь пятьдесят лет назад...

История шахмат выглядела любопытно. Если, конечно, верить тому, что рассказал Джамас.

Раскапывая стоянку первобытного человека, археологи сделали сенсационную находку — в древних слоях обнаружили книгу, отпечатанную неведомыми знаками на листах из химически стойкого материала, неизвестного на Земтере. Наиболее расхожей стала гипотеза о том, что книга попала на Земтер с другой планеты, хотя между специалистами споры об этом не прекращаются до сих пор.

Лингвисты расшифровали язык и прочли текст. В книге рассказывалось, каких успехов достигла нейроквантика — у инопланетян она называлась по-другому — благодаря использованию шах-программ для счетных машин. Каковы были машины, об этом ни слова — только о программах.

Одна из глав книги была посвящена описанию шахматной игры.

За многие столетия у прежних хозяев книги накопилось огромное число сыгранных партий. Большая часть из них была записана. Кроме того, существовали шахматные учебники, были разработаны начала партий, середина игры и, особенно, окончания. Инопланетяне знали буквально тысячи позиций, проанализированных до заключительного результата. Когда у них появились первые счетные машины, составители программ сразу же обратились к шахматам. Использовали богатейший опыт мудреной игры.

К шахматам обратился и Глоб. Но у него не было того огромного материала, каким располагали ученые неведомой планеты. Затеянные им состязания и должны восполнить пробел.

— Глоб решил воспользоваться готовыми программами машин, какие нашел в книге?

— Нет. В книге описан только принципиальный подход к делу.

— Не представляю, как автомат играет в шахматы. Как он видит позицию?

— Он не видит. А если бы и видел, ему не помогло бы это. Образа позиции, как целого, у машины все равно не возникнет. Если бы автоматы умели воспринимать образы, вам не потребовалось бы отвыкать от метафор и острот — они понимали бы все.

— Как же в таком случае играет счетная машина?

— Каждому шахматисту известно, что сравнительная сила фигур во время игры непостоянна. Возможны позиции, где конь сильнее ладьи и даже ферзя. Сильнее ферзя может оказаться даже пешка. Возьмем хотя бы эту партию... Ваша ладья, запертая собственными фигурами, в игре не участвует, а ладья противника держит под обстрелом центральную вертикаль. Очевидно, здесь сравнительная стоимость черной и белой ладей неодинакова. Установить шкалу, по которой можно было бы оценивать фигуры в различных позициях, не просто. Этим, в основном, и занимается Глоб, постепенно уточняя свою программу...

— Если я верно понял, — перебил я Джамаса, — автомат «мысленно» делает ход и считает позицию. Перебрав много ходов, выбирает лучший из них.

— В этом-то и состоит главная загвоздка! Если бы шахматисты выбирали лучший ход, пользуясь каким-то четким правилом, машина давно превзошла бы человека. Но беда в том,

что никто не знает такого правила. Глоб задался целью открыть закономерности шахматной игры и вывести строгие и четкие правила. Не опираться на какое-то туманное наитие. Ему нужны формулы. Он добивается, чтобы машина не перебирала варианты, а оценивала позицию.

— А вы не считаете этот путь верным?

— Подход правильный. Зная законы игры и оценивая по ним позицию, машина станет играть значительно сильнее, чем теперь. Но... ведь даже плохой игрок не занимается с самого начала расчетом всех вариантов.

— Похоже, что у вас другой подход к проблеме?

— Отчасти, — согласился Джамас. — Хорошая программа необходима машине. Без этого она понапрасну будет тратить свое время. Но программа — не единственное, чего недостает машине.

— Обучить ее интуиции?

— Если бы это было возможно...

— Вы считаете это недостижимым? — Я задал свой вопрос неспроста: Джамас увлекся темой, сел на своего конька и может невзначай проговориться.

— Нельзя разложить это понятие на части и записать в виде простой формулы. Интуиция — это свойство живого, возникшее в ходе эволюции. Число вариантов в шахматной игре все же конечно — просто оно очень велико. Но существуют задачи из класса подлинной бесконечности — в жизни они возникали и возникают на каждом шагу. Зайцу, удирающему от волка, приходится решать именно такую задачу... То, что мы называем интуицией, и есть способность живых организмов принимать мгновенные решения в ситуациях, которых никогда не было в прошлом и которые, возможно, никогда не повторятся в будущем.

— Значит, по-вашему, машину нельзя обучить интуиции?

— Нельзя.

— А если создать киборга? — я произнес это слово как можно небрежней, будто оно случайно сорвалось с языка. Однако поймать Джамаса не удалось. Он сразу насторожился.

— Почему вы спросили о киборге?

— Так. Мне пришло на ум, что если соединить интуицию человека с быстротой расчета машины, результат может быть ошеломляющим.

— Мне кажется, Памелл, вы подозреваете, не создаю ли я киборга? Вас настораживает Элион?

— Во всяком случае, доверия он не внушает, — признался я.

— Я допустил ошибку, сделав его слишком похожим на человека. Это почему-то вызывает невольный протест. У всех. Вначале я думал: одна Зиная не любит его.

— Как вам удалось обучить его игре в шах-

маты за столь малое время? Глоб занимается этим много лет.

— Тут дело вовсе не в способностях Элиона. Зная программу, найти решения в позициях может любая счетная машина. Главным для меня было разгадать алгоритм, какой задал Глоб своему автомату.

— Значит, это ваша заслуга?

— Можно считать так. Я доволен результатом. Теперь я представляю, что именно можно ждать от Глоба в ближайшее время.

— Желая удачи... И победы.

Мне очень хотелось верить, что Джамас ничего не утаил. А победы над Глобом я желал искренне. Теперь, когда я поверил, что играю всего лишь против машины, я вынужден был признать: Глоб обставил меня по всем статьям. Давняя победа на конкурсе обернулась для меня поражением.

— А игру я прекращаю.

Мне показалось, Джамас вздрогнул от неожиданности. Точнее, слегка вздрогнули его скулы.

— Зачем же? Если вам доставляет удовольствие...

— Теперь не будет доставлять.

— Отчего же? Я бы на вашем месте непременно постарался взять верх над машиной. Кстати, теперь, зная, как «мыслит» машина, вам проще будет играть. Нужно стремиться ставить ей как можно больше неожиданных продолжений. Можно спасти даже и эту партию,— опять кивнул он на шахматную доску.— Вы правильно поступили, пожертвовав ферзя. Расчеты усложнились, и автомат может запутаться.

— Что ж, пожалуй, вы правы. Доведу матч до конца. Это будет даже любопытно.

Я сказал это отчасти затем, чтобы успокоить Джамаса. Мне показалось, что мой отказ продолжать игру его не на шутку встревожил. Интересно, почему?

Я поднялся. Вскочил и Пират, безмятежно спавший до этого. Джамас машинально потрепал его загривок, пощекотал за ушами.

Должен признать: разобраться в бумагах Джамаса я не смогу. Точнее, смогу, конечно же, смогу. Но не будет ли поздно? Ясно, что несколькими днями мне не отделаться.

А сколько у меня времени, я не знал. У себя в лаборатории Джамас полный хозяин. Я совершенно не представляю, чем он занимается... В сотый раз смотрел я на раскрытую папку с планом работ Джамаса—чертежи, виртуозные завитушки знаков, какими написаны формулы. У Джамаса четкий почерк. Понимай я хоть что-нибудь, разобраться было бы нетрудно.

Нет. Я решительно отложил папку. Придвинул шахматную доску. Несколько фигур упали,

я машинально поставил их на место. Зачем мне мучиться над дурацкими формулами, когда можно послать отчет обо всем в центр и ждать решения? Если им известно, чем занимается Джамас, дадут указание не вмешиваться. Если мое сообщение окажется для них неожиданным—я получу подробные инструкции, как поступать в дальнейшем.

Теперь я уже не мог просто обдумывать ходы, как раньше. В голове все время вертелось одно и то же: как расценит этот ход машина?

Если я сделаю ход конем, машина должна посчитать его слабым: с этого места конь берет под бой всего три поля, к тому же два из них заняты собственными пешками. Но, с другой стороны, я открываю ход ладье—это должно приплюсовать к позиции какую-то сумму. Во сколько единиц оценит ее машина? Впрочем, я все равно не успеваю ввести ладью—партнер нападает на моего коня пешкой, и, чтобы не потерять еще одну фигуру, я должен буду отступить на прежнее место. В результате соперник выигрывает темп.

«А что, если не отступить... Хм, сомнительная находка. В такой позиции еще и коня пожертвовать?»

И все же, несмотря на абсурдность хода, я продолжал раздумывать над ним. Я вполне сознавал, что трачу время впустую, но ничего лучшего не приходило на ум. И удивительное дело, чем больше я думал над позицией, тем запутаннее казалась она. Ценой этой второй жертвы можно будет, наконец, ввести в игру остальные фигуры, создать встречные угрозы. А в одном из вариантов я могу далеко продвинуть пешку. Правда, он сразу заблокирует ее, но... Дальше начинался сплошной туман. Либо я вообще останусь ни с чем, либо...

Что-то смутное отвлекало меня. Не мысль, а какое-то чувство. Едва я подумал об этом, как сразу догадался, что именно. Наступил час, когда обычно приходит Зиная. Играет с собаками, потом мы занимаемся с нею, учим правила хорошего тона. Вернее, она упражняется перед зеркалом, а после я экзаменую ее. О наших занятиях никто не знает. Зиная предупредила, чтобы я не проговорился при Джамасе. Я понимал ее. Тайком я и сам пробовал научиться кое-чему—хотя бы улыбаться.

Зиная опаздывала. Скорее всего, она сейчас у своих мальков: измеряет в бассейне температуру, давление и прочие показатели, задает корм...

Я и не подозревал, что у меня возникла уже новая привычка. Мне просто недоставало сейчас собачьего визга, шума, возни, окриков Зинаи: «Феба—ко мне! Пират—не смей! Ты мне комбинезон прокусишь!..» В играх Пират был особенно невоздержан и агрессивен. Я испытал это на себе. Зиная говорит, что таков его воз-

раст: у него растут зубы, и ему необходимо что-нибудь грызть. Специально для него она приносила каждый раз новые игрушки — запаслась ими с Ларта. Некоторые из них Пират раздирал мгновенно. Больше всего ему понравился раскрашенный мяч. Он был упруг и прочен, Пират так и не смог прокусить его.

Как всегда, щенок первым почуял приближение Зинаи. Забеспокоился, вскочил на ноги, с ожиданием поглядывал на дверь, нетерпеливо стучал хвостом. Признаюсь, я тоже обрадовался. Включил обзор коридора и в самом деле увидел Зинаю вместе с Фебой — они только что вышли из своей каюты и направлялись к нам. Я недоуменно посмотрел на Пирата. Удивительное существо. Как он может чують их на таком расстоянии?

Едва наверху открылась дверь, Пират кинулся навстречу, словно не виделся с ними вечность. Он всегда очень бурно переживает даже вот такие маленькие радости. Да и Зиная недалеко от него ушла. Из всей тройцы сдержаннее всех Феба. Прodelав акробатическое сальто, подруливая хвостом, она опустилась на пол рядом с креслом. Прежде всего подошла ко мне. Я потрепал ей загривок. Наши встречи с нею выглядят особенно сдержанными на фоне буйной радости, какую проявляют Пират и Зиная.

Я посидел еще над шахматной доской. Совершенно, впрочем, напрасно: новых замыслов в голову не приходило. Дал возможность Зинае и Пирату умяться. И когда оба они, усталые и довольные, развалились на полу и Феба тоже пристроилась к ним, позвал Зинаю.

Возможно, будь у Зинаи другой педагог, она смогла бы далеко продвинуться за это время. Мы с нею, по существу, топтались на одном месте: она все еще репетировала любезную улыбку, предназначенную для неприятного ей человека.

— Представь, что ты встретила Элиона, — подсказал я.

Зиная скорчила такую мину, что я невольно улыбнулся. Но, по-моему, я нашел для нее хороший метод.

— Раз уж у тебя нет других врагов, воображай Элиона.

Она нахмурила брови и сосредоточилась. Наконец, ей удалось изобразить довольно-таки кислую улыбку.

— Уже лучше, чем это делает Элион, — одобрил я.

— Он еще и ходить-то не умеет, не то что улыбаться!

— Кто его учит ходить? Джамас?

— Нет, он учится сам. Штудирует законы физики. При каждом движении учитывает, как переместился центр тяжести, и вычисляет, что нужно сделать, чтобы сохранить равновесие.

— Ого! И каковы же успехи!

— Научился ползать на четвереньках. Тошно смотреть!

Этот разговор неожиданно успокоил меня. Смешно подозревать, что ползающая каракатица может представлять какую бы то ни было опасность. Жаль только, что на Земтере демонстрация Элиона невольно вызовет смешки. Но зато он в два счета обыграет машину Глоба. В этом я совершенно уверен.

Джамаса я не ждал. Он появился неожиданно и для Зинаи — она так и застыла со своей неестественной улыбкой.

— Прошу прощения, я ненадолго, — объявил Джамас. — Нужно заглянуть в папку, припомнить один график. Вы позволите?

— Вы можете забрать свои документы. То, что мне требовалось, я посмотрел.

Я, конечно, не стал объяснять ему, что не понял в его расчетах ни единой строчки, ни одной формулы. Не было никакого смысла держать папку у себя. Пусть он обучает Элиона ползать на четвереньках и играть в шахматы, лишь бы тот утер нос Глобу.

Пока мы разговаривали, Зиная проделывала что-то с ушами Пирата, пытаюсь поставить их торчком, как у Фебы. Не получалось.

— Наверно, уши у него так и будут висеть, — огорчилась она.

— Дурная наследственность, — сказал я.

— Обязательно дурная? — не согласилась Зиная. — Это на Земтере раньше было заведено убивать собак, которые рождались не такими, как хотелось людям. Жестоко и несправедливо!

— Но иначе невозможно было вывести нужную породу. Приходилось отбирать лучших.

— Так-то оно так, — неожиданно вмешался в наш разговор Джамас, — но в целом подобная методика сужает возможности вида. Ведь целесообразность отбора диктовалась интересами не собак, а их хозяев. Опаснее же всего, что на Земтере селекцию проводят и на людях. Тоже улучшают породу...

— Где вы слышали про подобные опыты?

— А разве изгнание элатов не та же селекция?

Вот, оказывается, что он имеет в виду. В конце прошлого века истинные изгнали из страны элатов и всех, кого заподозрили в примеси их крови. Об этом я хорошо знал из истории. Знал и причину.

— Элаты были зачинщиками внутренних раздоров. Бунтарство у них в крови.

— Вы убеждены, что причиной раздоров были только элаты?

— Кто же еще? Это подтверждает прошлая история страны.

— История, в которой не только заключения, но и сами факты подтасованы.

— Я бы: на вашем месте воздержался от подобных высказываний.

Я почувствовал, как окреп мой голос — в нем явственно прозвучал металл. Джамас коснулся пункта, который не подлежит обсуждению. Властью командира я имел право немедленно арестовать его. Опекуны, спрятанные в специальных нишах, проделали бы операцию мгновенно, стоило только подать команду. Возможно, не будь с нами Зинаи, я не преминул бы воспользоваться этим.

— А вы сами, Памелл, не пытались осмыслить вашу историю?

— Она и ваша история, — напомнил я. Меня так и подмывало пустить в дело опекунов. — Мне незачем переосмысливать — учебник по истории писали специалисты.

— Все равно, подумать самому не лишне.

— Я требую, чтобы вы прекратили этот разговор.

— Не понимаю, чего вы боитесь? Я могу поколебать ваши убеждения? Все. Подчиняюсь, командир. Умолкаю. — Джамас шутливо вскинул кверху руки. — Сдаюсь. В ваших руках власть. Я бессилен.

При этом он с какой-то странной улыбкой взглянул как раз на то место, где были замаскированы опекуны. Можно было подумать — ему что-то известно.

— Переведем разговор на другую тему, — предложил он. — Как-никак «Гроссмейстер» не место для дискуссий, а космический корабль, и на борту действует устав.

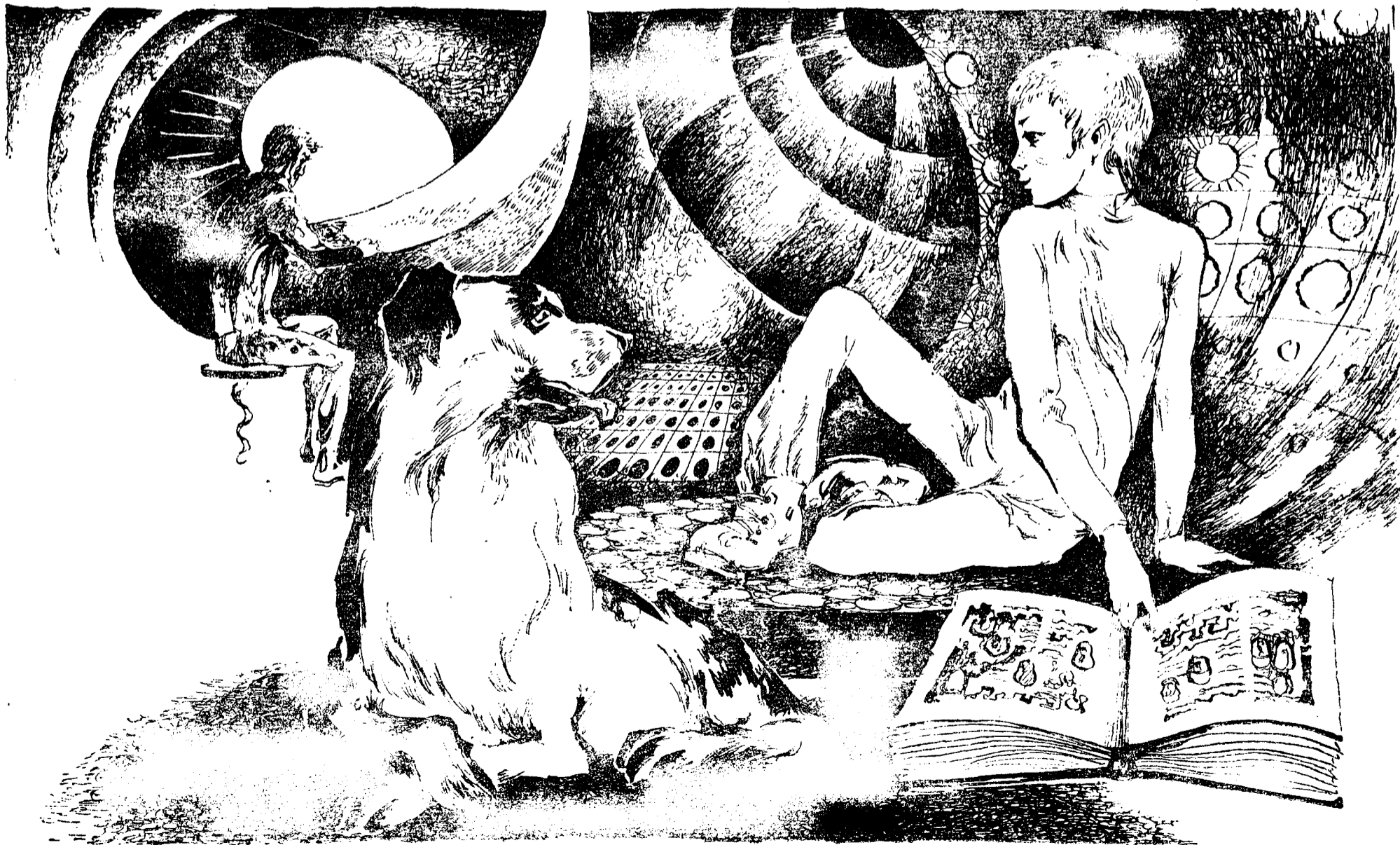
— Да, на борту действует устав, — сказал я. — Устав, который обязаны соблюдать все. Не будем больше затрагивать этой темы. Признаюсь, мне очень жаль, что вы многого не понимаете. Более чем странно сомневаться в правоте истинных на борту корабля, который несет спасение всему человечеству. И это делаем мы, а вовсе не праведные. А чистая вода нужна всем. Даже и элатам, которых приютили праведные. Вы, живущие на Ларте, не представляете, что значит нехватка воды.

— Поражаюсь, как вы не вспомнили про гуманную миссию раньше, — сказал Джамас. — Этим вы окончательно сразили меня.

Хотя он произнес эти слова без улыбки, смешливые искорки в раскосых смолистых глазах выдали его с головой.

— Нет, Джамас, — мне хотелось чисто потечески спасти заблудшую душу этого человека, — не над всем можно иронизировать. Поверьте мне, есть вещи, достойные того, чтобы относиться к ним серьезно.

— Помилуйте, какая может быть ирония? Спасение человечества от жажды — это ли не благое дело?

— Поэтому я и хочу, чтобы вы говорили на эту тему более серьезным тоном.

— Готов молиться. На вас тоже, Памелл. Вы человек искренний, верите во все, что говорите. Верите, что несете спасение Земтеру.

— А разве это не так?!

— Так.

— Вы чего-то не договариваете.

Я заметил, что Зиная внимательно слушает наш разговор, удивленно перебрасывая взгляд с Джамаса на меня.

— Хорошо, если вы окажетесь правы,— сказал Джамас.

— Удивляюсь, как можно сомневаться в том, что есть?

— Можно. Если... Если в ближайшее время ничего исключительного не произойдет, я охотно признаю вашу правоту.

После я долго размышлял: что же хотел сказать Джамас своей последней фразой?

Ясно было одно — обстановка на Ларте ненормальная. Истинные и праведные живут там бок о бок. Да еще элаты. Эти совратят кого угодно. Не иначе как от них Джамас и нахватался крамолы. Если бы я не испытывал к нему невольной симпатии, если бы не желал ему удачи в поединке с Глобом, я давно заточил бы его в изолятор.

Нужно признать, что и мое поведение не было безупречным: я не имел права принимать в расчет такую ненадежную вещь, как чувство симпатии к кому бы то ни было. Тем более к человеку, который высказывает крамолу.

Подошло время, и я по привычке направился в тренировочный зал. За двадцать лет я не пропустил ни одного дня. Без регулярных занятий спортом я не сохранил бы свое тело и мозг готовыми действовать в любой обстановке.

В зале я застал Зинаю с Фебой и Пиратом. Свившись в клубок, они кружились вдоль борта, где тяготение падало почти до нуля. В центре клубка алел комбинезон Зинаи. Она включила обогрев, и мигающее свечение озаряло их всех. Заливисто и восторженно лаял Пират, басовито, сдержанно подавала голос Феба. Но решительно все перекрывали звонкие крики Зинаи.

Они и меня завлекли в вертящийся клубок. Я пробовал сохранить командирскую солидность, держаться степенно, с достоинством, но выполнить это, когда ты кувыркаешься в воздухе, невозможно...

Спустя полчаса устроили короткий перерыв.

— Зиная, верно, что вы постоянно общаетесь с праведными? — спросил я. — У вас на Ларте не признают границ и не охраняют их?

— Зачем границы? — удивилась она.

— Но ведь на Ларте часть территории принадлежит нам, а другая часть — праведным.

— Ну и что? От кого охранять? Нам чаще приходится выручать друг друга. Когда они попадают в беду вблизи наших станций — мы спешим на помощь, когда беда случается с нашими отрядами — выручают они.

М-да, условия у них, конечно, особые. Этого я не в силах себе представить.

— И среди праведных много элатов?

— Угу, — подтвердила она.

— Вы их тоже выручаете?

— Почему же нет? Они ведь спасают нас, когда нам плохо...

— Элаты? — не поверил я.

— Элаты, — подтвердила Зиная. — Они такие же люди. Разве что глаза у них голубые. Да и то не у всех.

— Они обманщики и хитрецы. Голубые глаза — признак лживости природы, — сказал я.

— И ты веришь в эти басни?! — она изумленно округлила глаза, словно я произнес бог весть какую чушь.

— Это записано в учебниках.

— Но я за всю жизнь ни разу не слышала, чтобы элаты кого-нибудь обманули!

— Они искусные притворщики.

Невольно я и сам покраснел, мне стало стыдно за глупость, которую я произнес. Что же, они нарочно притворяются честными? Разве можно притворяться честным? Но не этот ли самый довод — элаты притворщики и лжецы — много раз слышал я, еще будучи на Земтере? И ни разу не задумался, не осознал его нелепости...

Внезапно засигналил походный пульт, лежавший у меня в кармане. За двадцать лет не было еще случая, чтобы кто-то беспокоил меня во время тренировочного часа.

— В чем дело? — спросил я, испытывая невольную тревогу, и поднес к уху динамик, предварительно убавив громкость, чтобы не могла слышать Зиная.

— С Земтера передали чрезвычайное сообщение открытым текстом, — объявил связист. — Началась война.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ПЕРВАЯ ИГРА

Повесть

Дмитрий
СЕРГЕЕВ

Рисунки Е. Стерлиговой

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Из особого отделения сейфа я извлек пакет, со всех сторон облепленный печатями. Он мог пролежать до конца полета, и я никогда не узнал бы его содержания. Если бы не исключительные обстоятельства.

Невольно припомнилась фраза из последнего разговора с Джамасом. «Если в ближайшее время не произойдет ничего исключительного...»

Не мог же Джамас знать о том, что произойдет на Земтере? Кто вообще мог предположить, что праведные рискнут напасть на нас?

В пакете значилось: «С сего часа на «Гроссмейстере» вступают в действие законы военного времени. Корабль поступает в распоряжение военного ведомства...» Дальше следовали кое-какие подробности: всем нам, мне и четверым постоянным членам экипажа, присваивались воинские звания; все, кто находится на борту, обязаны совершить священный обряд божбы; отныне мы должны перейти на другой шифр...

Я сообщил новость по селектору. Объявил:

— Через два часа всем собраться в тренировочном зале.

Особого волнения я не испытывал. Мне только не терпелось узнать, как именно решат использовать наш корабль. Никаких инструкций на этот случай в уставе не было.

Зинае и Джамасу я велел явиться в мою каюту. Нужно объявить им, что и они, находясь на борту корабля, поступают теперь в подчинение военного ведомства.

И еще — мне не хотелось в этом признаться самому себе — я не мог упустить последней возможности повидать их обоих до обряда, еще не вступив окончательно в роль военного начальника над ними. Пока есть время, нужно предостеречь Джамаса, чтобы впредь придерживал свой язык. Церемониться с ним я больше не стану.

Джамас и Зиная пришли вместе. Я забыл предупредить Зинаю, чтобы она не приводила Фебу. И не догадался запереть Пирата в другом отсеке. Собаки испортили торжественность

минуты. Мне пришлось ждать, пока они угомонятся.

— На Земтере война, — наконец объявил я.

— Этого нам только и не хватало! — произвольно вырвалось у Джамаса.

Зинаю мое сообщение вообще не затронуло. Она все еще поглаживала Пирата.

— Через два часа в тренировочном зале совершаем обряд.

— Как это? — спросил Джамас. В его глазах сверкнули смешливые искорки.

— Когда настанет время, узнаете, — жестко отрезал я: время пустых разглагольствований прошло. — Я посылаю запрос в центр, можно ли будет продолжать ваши работы. Пока не получу ответа, доступ в ледовую лабораторию для вас закрыт.

— Вынужден подчиниться.

Его уступчивость обескуражила меня. Я думал, он станет спорить, доказывать, что его опыты не имеют отношения к военным действиям...

Просигналил позывной селектора: «Гроссмейстер» вошел в зону действия постоянной космической связи. Сводка была по-деловому краткой. «Идут бои на подступах к Шоту. Противник несет тяжелые потери». Далее перечислялось, какие именно: сколько убитых, раненых, пленных...

Сводка как сводка. Странно одно — при чем здесь Шот? Это же наш город.

— Уточните название города в сводке, — приказал я и поймал на себе пристальный взгляд Джамаса.

— Вы думаете, ошибка? — спросил он.

— Уверен.

— Мы лишь совсем недавно получили сводку первого дня боев. А происходило это неделю назад, — заметил Джамас. — Нас просто не оповестили сразу о начале войны.

Он прав. Я не обратил внимания на даты. И все же...

— Не может быть, чтобы за неделю обстановка настолько изменилась, — возразил я.

Да и сам тон сводки не допускал этого, был победоносным: ни слова не говорилось о наших потерях. Наверно, они совсем ничтожны, не стоило и упоминать.

Вскоре пришло подтверждение: в названии города ошибки нет. Кроме того, сообщили подробности о том, как именно была спровоцирована война. Несколькими днями раньше в трех наших городах одновременно вспыхнули бунты. Мятеж подстрекали заброшенные в наши тылы отряды праведных, составленные, в основном, из элатов. Давнишние притязания на нашу территорию — вот, конечно, причина войны... На гнусные действия праведных мы ответили мощным ударом.

— Настолько мощным, что неделю спустя очутились у стен Шота, — прокомментировал Джамас.

— Не нам с вами обсуждать замыслы командования, — оборвал я его.

— Памелл, я считал вас умным человеком. Неужели вы верите этим сказкам?

— Что вы называете сказками? — я посмотрел на часы: до назначенного мной времени сбора осталось около часа. Пусть он выскажется в последний раз.

— Да все, что они передали. Обе сводки.

— Как же, по-вашему, развивались события?

— Очень просто. Элаты, во всяком случае, ни при чем. Для восстания хватало и внутренних причин. А войну развязали затем, чтобы под шумок всех недовольных объявить пособниками праведных и покончить с ними. Но, видимо, восстание оказалось серьезней, чем предполагали. Вести бои на два фронта не под силу. И мятежные города отдали праведным: пусть чужие войска наведут там порядок, усмирят бунт.

— Вот что, Джамас, — сказал я серьезно. — Советую вам хорошенько поразмыслить. После того, как совершим божбу, я не стану выслушивать ваши бредни.

Интересно, сколько же времени не собирались мы все вместе? Очень все-таки странное существо человек. Первое время мы буквально не могли жить друг без друга. Но постепенно встречаться перестали совсем.

И вот, после стольких лет отчуждения, мы должны встретиться снова. Как пройдет эта встреча? Все же видеть друг друга по видеофону и вблизи — далеко не одно и то же.

По моему распоряжению роботы вкатили в спортивный зал специальную установку — большой стол с тумбою на нем. Несмотря на простоту формы, сооружение выглядело солидно, настраивало на ожидание чего-то таинственного, непостижимого. Уже одно то, что впервые за последние годы мы все пятеро собрались вместе, было необычно. Все украдкой разглядывали друг друга. С первого взгляда я не уловил, что именно оказалось для меня новым. Лишь не-

много спустя отметил — все мы ощутимо постарели. Отяжелели, что ли?

Строй получился не очень впечатляющим: слишком уж мало нас. Джамас и Зиная опаздывали. Я хотел связаться с ними и отчитать обоих, но в это время они появились. Феба вбежала вслед за ними, замерла неподвижно, разглядывая незнакомых людей, покосилась на Зинаю, словно спрашивая, как вести себя. И, видимо, потому, что хозяйка была встревожена, направилась по своему обыкновению обнюхивать ноги.

— Фебу удалить, — приказал я.

Зиная выпроводила собаку.

— Становитесь в шеренгу, — показал я ей и Джамасу место на фланге.

Сам стал во главе строя, скомандовал:

— Внимание! — и включил установку.

Внутри величественной тумбы раздался легкий щелчок и почти неслышимый шелест. В тишине зала прозвучал голос:

— Отныне экипаж «Гроссмейстера» поступает в подчинение военного ведомства. В суровый час испытаний вы обязаны проявить мужество и верность. Дальнейшая судьба истинной веры во многом будет зависеть от вашей стойкости...

Речь была короткой, но впечатляющей. Ничего конкретного в ней не содержалось: ее сочинили двадцать лет назад такую, чтобы она годилась при любых обстоятельствах, — но все слова были жгучими и тревожно волнующими.

Едва умолк голос, зазвучал церковный гимн истинных, и старинный обряд божбы начался. Я приблизился к столу, верхний ящик в тумбе распахнулся сам собою. Внутри лежал обрядник — толстенная книга с древними священными текстами. Здесь же в кожаной папке хранился текст божбы. Под звуки обрядной музыки папка раскрылась. Голос у меня невольно дрогнул и сорвался от прилива чувств, когда я начал читать слова древней клятвы. Сейчас, в эти мгновения, каждый из нас может позволить себе быть взволнованным. Правую руку, как полагалось, я держал поверх переплета священной книги, ощущая легкую шероховатость добротной кожи. Затем по очереди к столу выходили другие. Они переживали те же самые чувства: голоса звучали торжественно и вдохновенно, вызывая невольный душевный трепет.

Лишь когда пришла очередь Джамаса, торжественность момента была смазана: невыразительным, тусклым голосом прочитал он высокие слова, попросту отбарабанил текст.

Последней была Зиная. Я невольно напрягся. От Зинаи приходилось ожидать какой угодно выходки. Она может, например, оборвать чтение на середине и спросить: «А что значит лечь костями? Тут сказано: «Если потребуется, лягу костями...»

— Зиная не будет божиться, — неожиданно заявил Джамас. — Ей нет семнадцати.

— Она говорила...

— Возраст ее большое место: Зинае хочется, чтобы ее считали взрослой. Нам пришлось запрашивать разрешение, чтобы ее допустили на корабль.

Я вынужден был согласиться с ним и подал сигнал об окончании процедуры. Опять что-то щелкнуло в тумбе, захлопнулась кожаная папка, закрылась дверца ящика. Раздался тот же голос:

— Поздравляю вас. Отныне вы стали воинами истинных.

— Господин истранг, позвольте войти.

В раскрытом люке на потолке появился Джамас.

Я с удовольствием отметил про себя, что он назвал меня не по имени, а по воинскому званию.

— Входите, ор-ранг. Но имейте в виду: разрешаю последний раз. Когда вы понадобится, я свяжусь с вами сам.

— Повинуюсь, господин истранг.

Джамас опустился на пол. Пират, как всегда, встретил его еще в воздухе. Теперь-то их объятия и вовсе были неуместны. Я примирился с этим лишь потому, что знал — последний раз. Это Зиная пока еще может приходить. Она не божилась и потому остается пассажиром.

— У вас есть ко мне дело, ор-ранг? — спросил я.

— Есть.

Что бы там ни было, он вынужден считаться с новой обстановкой и новыми отношениями между нами. Сесть без моего разрешения он не осмелился.

— Садитесь, — сказал я. — И выкладывайте, что у вас.

— Господин истранг, — сказал он, — я бы хотел знать, в чем теперь заключаются мои новые обязанности? Заниматься своим делом вы запретили...

— Ждать, быть готовым ко всему.

— А вы сами знаете, что именно нам предстоит?

— Я исполню свой долг до конца.

— Иначе говоря, сделаете все, что от вас потребуют?

— Я вовсе не обязан вступать с вами в разговор, но раз уж впустил вас...

— Тем более — последний раз, — подсказал он.

— Тем более — последний раз! — с нажимом повторил я. — Я исполню свой долг перед истинными. И заставлю повиноваться всех, кто находится на борту «Гроссмейстера». И никаких разговоров на эту тему не допущу.

— Хорошо. Но поскольку мы говорим в последний раз, позвольте один вопрос.

Я не сказал ни да, ни нет. Джамас воспользовался заминкой.

— Представьте: в ваших руках — средство одним ударом навсегда покончить с праведными. Уничтожить их города, их земли, поля... И такой приказ поступил бы...

— Такими средствами, увы, никто не располагает.

— Согласен. Ну, а если?.. И такое средство — у вас. Вы один решаете судьбу миллиардов, судьбу культур и цивилизаций.

— Если будет необходимо, я исполню свой долг. Я дал клятву.

— Что ж, выходит, и вас поймали на эту наживу? — В его голосе прозвучало нечто, вовсе уже недопустимое по отношению к старшему по званию.

— Про какую наживу вы говорите, ор-ранг? — сурово спросил я.

— Я имею в виду комедию, которую мы разыгрывали перед пустым ящиком с магнитофоном.

— Я прикажу арестовать вас!

— За что?

Он еще спрашивает! Да одной его улыбки достаточно, чтобы навеки упечь в тюрьму. В уставе, конечно, не предусмотрено, как следует улыбаться младшему чину, но я-то нутром чувствую, что означает его улыбка.

— Божба — один из способов лишить человека свободы, — продолжал он, как ни в чем не бывало. — Предполагается, что тот, кто взял с тебя божбу, несет ответственность за любые твои поступки, какие ты совершаешь, выполняя его волю. Обряд освобождает от необходимости думать...

— Прекратите!! Если я позволил вам разговаривать, это не значит, что вы можете говорить все, что взбредет. Не вынуждайте меня применять крутые меры. Отправляйтесь в свою каюту.

— Подчиняюсь, истранг! — по-уставному ответил он и повернулся к выходу.

— Отлучаться куда-либо без моего ведома запрещаю! — бросил я вслед ему.

Никаких изменений на корабле не произошло. Разве что все мы стали внимательнее следить за сводками новостей. Теперь можно было не ждать сеансов спецсвязи — ловили обычные радиопередачи. Изредка в сводках упоминались названия городов. Я пытался представить по ним линию фронта. Она проходила в глубине нашей территории.

Неожиданно пришла тревожная мысль. Зиная уверяет, что на Ларте нет вражды между истинными и праведными. Они даже выручают друг друга из беды. А станции и рудники тех и других разбросаны на планете вперемежку. Есть даже общие космические порты. Основное

военное сырье, без которого ни одна сторона не сможет вести долгую войну, доставляют с Ларта: земтерские рудники давно отработаны. Что же получается? Корабли праведных и истинных направились сейчас на Ларт за военным грузом. И там они будут стоять бок о бок, их будут нагружать одинаковым сырьем. Нелепость!

А тут еще элаты... Они усыпили бдительность таких вот простаков, как Зиная и Джамас, втерлись в доверие и сейчас, наверно, пожинают плоды. Что им стоит захватить на Ларте все рудники и контролировать космические порты? Как можно верить в искренность элатов?

С нетерпением дожидаясь прихода Зинаи. Как обычно, она явилась с собакой. Лишь сейчас я заметил, что Пират едва ли не перерос Фебу. Правда, он все еще по-щенячьи нескладен и долгоног.

Мне показалось — Зиная чем-то сильно озабочена. Я не дал ей затеять обычную возню. Спросил:

— Тебе часто приходилось встречаться с праведными?

В ее напряженном взгляде мелькнул испуг. На секунду она растерялась: не ожидала вопроса. В последние дни, с тех пор как я посадил Джамаса под арест в каюте, мы с нею не разговаривали. Похоже, она не простила мне этого.

— Часто, — наконец сказала она.

— Очень часто? И вы подолгу бывали вместе?

— Очень. Подолгу. Однажды я целый месяц жила на их станции. Мы делали...

— А элаты среди них были? Ты лично встречалась с элатами?

— Конечно.

— Неужели ничего не замечала? Неужели они ни разу никого не обманули?

— Нет.

— Скажи, а они пытались обратить тебя в их веру?

— Нет.

— А как ты думаешь, сейчас они не нападут на истинных?

— Нападут? Зачем?

— На Земтере война. Разве они не захотят помочь своим?

— Нет, на Ларте этого не случится. Там все знают друг друга, — решительно заявила она.

И сколько я ни расспрашивал, стояла на своем:

— На Ларте никто ни на кого не нападает, там все помогают друг другу.

Припоминая события задним числом, удивляюсь, почему поведение Зинаи не насторожило меня. Отчего она так встревожилась, когда я заговорил с нею? Но верно и то, что опасаться мне было нечего. Джамас сидел в своей каюте под наблюдением опекунов. Они доложили бы мне, сделай он попытку выйти...

Поступила шифровка: «На стыковку с вами направлен грузовой космошип. Он заберет метон, находящийся в трюмах «Гроссмейстера». Готовность встречи доложить».

Вот когда узнал я, чем нагружали трюмы «Гроссмейстера» на Ларте! Мальки взяты, конечно, для отвода глаз.

Но тут-то все и завертелось...

Отдав необходимые распоряжения, я решил взглянуть, как размещен груз в трюмах, с какого борта удобнее провести стыковку. Ничего более кошмарного не могло бы случиться и во сне. Стратегического металла в трюмах не было — ни единого грамма. Вместо него лежали безобидные слитки пилана и страна. Вот что значит поручать ответственное дело лартянам...

Первым побуждением было немедленно расправиться с предателем. Джамас, конечно же, знал обо всем!

Но я удержался. Следовало подумать: нет ли здесь и моей вины?.. Однако упрекнуть себя было не в чем. Я строго соблюдал параграф устава — не совал нос в чужое дело.

«Если бы они доверяли нам, этого не случилось бы», — вдруг подумалось мне. «Они» для меня были: и экзаменационная комиссия нейроквантиков, и тумба, перед которой мы божились, и те, кому я посылал донесения и кто отвечал мне, и те, кто составлял инструкции... Для «них» мы всего лишь говорящие приставки к автоматам. Более всего «их» заботит, не вышли бы мы из строя до времени. Вот отчего скрывают от нас даже и то, что нам просто необходимо знать.

Впервые я ощутил себя неполноценным человеком: все мои поступки и даже мысли предопределены инструкциями...

Я зашифровал подробную докладную и отправил на Земтер. Представляю себе, какой переполох вызовет она там.

Вызвал Джамаса и Зинаю.

— Можете торжествовать, — сказал я. Зиная недоуменно хлопала ресницами, глядя мне прямо в глаза. Но теперь я знал цену ее наивности. — Нет, увольте, с меня хватит! Ваше предательство оценят праведные. Возможно, они назовут это подвигом, а вас героями. Только свое вы получите. Жаль, что у меня нет власти расправиться с вами немедленно. Но знайте...

Меня прервал сигнал вызова. Я включил экран внутренней связи.

— Шифровка с Земтера, — объявил связист.

— Покажи.

В цифровом тексте имелся знак, который мне не нужно расшифровывать: по нему я узнавал степень срочности.

Напрасно только я велел связисту показать шифровку на экране: одновременно со мной ее

видели Зиная и Джамас. Однако Джамас не проявил особого любопытства — его взгляд мельком скользнул по экрану. Да и что он мог прочесть — одни цифры! К тому же никакого вреда он уже не причинит больше: отныне будет сидеть в своей каюте под присмотром опекунов, ожидая решения военного суда.

— Отправляйтесь! — сказал я. — Из кают ни шагу. Ждать своей судьбы вам недолго.

Недоумение и укоризна во взгляде Зинаи чуточку охладили мой пыл.

— А как же мальки? Я не могу бросить их! «Да пропади они пропадом!» — хотелось мне воскликнуть, но что-то удержало меня, я пощадил Зинаю.

— Хорошо. Два раза в сутки можешь проводить их.

Дверь за ними закрылась.

Глупый Пират прыгал вокруг, хватал меня за штаны, звал из каюты — ему хотелось играть и резвиться. Я дал ему хорошего пинка. От изумления он даже не взвизгнул, только недоуменно посмотрел на меня.

«Рассчитайте маневр, цель которого — обрушить астероид на столицу праведных. Сообщите точное время маневра», — значилось в полученной шифровке.

«Вот это подарочек праведным!» — мысленно восхитился я. Мне и в голову не приходило, что ледяной астероид можно использовать вместо бомбы! Такая разнесет не только столицу праведных — половину материка сотрет в порошок. При этом пострадают и наши города. Но победа без жертв невозможна. Зато это будет окончательная победа. Да и командование постарается как-нибудь обезопасить своих, предупредить... Толком я не представлял себе, как можно обезопасить население — ведь после такого удара чудовищные землетрясения сотрясут всю планету. Но думать об этом не моя забота. Мое дело — в точности исполнить приказ. Поменьше рассуждать.

Сделать расчет было не так уж сложно. Через полчаса на Земтере наше командование уже знало время ответственного маневра. Им оставалось трое суток, чтобы подготовиться. Через три дня мы отпразднуем победу. Великолепную победу!

Меня так и подмывало сообщить об этом Джамасу. Посмотреть — как он примет новость?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вначале меня приплюснуло тяжестью, возникшей на короткий миг невесомость от куда, потом наступило состояние невесомости. Я все же успел пойматься за спинку кресла носком ботин-

ка. Пират, распластанный в воздухе под самым потолком, бестолково сучил лапами, пытаясь обрести нормальное состояние, удивленно тарачил на меня темные бусины глаз.

Каждодневные тренировки в течение всего полета нужны были именно для этой секунды — для непредвиденного. И они не прошли даром. Усилением мышц мне удалось втащить себя в кресло, правая рука легла на рукоятку пульта, взгляд скользнул по приборной доске. Стрелка, показывающая величину гравитации, возвращалась в нормальное положение; я почувствовал, как мое тело наливается тяжестью. В знакомом рисунке колеблющихся стрелок взгляд сам собою отыскивал главное. Непредусмотренный расход энергии был огромным. Приборы показывали, что на какую-то долю секунды включался аварийный сгусток тяжести. Он-то и не позволил ледяному астероиду рассыпаться на куски.

Хорошо, что в лаборатории никого нет. Не позавидовал бы я Джамасу, окажись он сейчас там. Услышать глубинный гул и хруст сдавленного льда, точно в кошмаре увидеть, как с потолка отваливаются ледяные глыбы, как на тебя ползут, сдвигаются массивные стены...

Эта картина промелькнула в уме, не мешая размышлять и действовать. Первой догадкой было: корабль попал в гравитационную заверть, по новейшей терминологии — джи-улово. Только откуда ей взяться, этой заверти? Почему ее нет на карте? Мы давно уже вышли на хорошо изученную трассу.

Я включил селектор, теперь все остальные на корабле видели меня. Очередность докладов они знали. Слушая их, я одновременно включил экран общего обзора: необходимо установить, что именно пострадало из внешней обстановки. Тускло сверкающая глыба льда на экране выглядела недвижимой. Ничего опасного не произошло: лишь два или три сигнальных маяка не подавали контрольных вспышек. Ущерб не велик. Громадный кусок льда, в котором заключен океан чистой воды, будет доставлен в целостности. Но вместе с этой мыслью меня, точно занозой, кольнула другая: океан воды, который мы старательно бережем, — это бомба для праведных...

— Расход энергии составил 0,32 аварийного цикла... — докладывал между тем энергетик.

Если действительно была гравитационная заверть, мы коснулись лишь самого ее края. Попади корабль в центр джи-улова, мы не отделались бы так легко.

Следующим был штурман.

— Отклонение курса 0,71 галактического румба в направлении НГСЖ...

Это уже и вовсе пустяки. Нисколько не похоже на заверть... Я совершенно терялся в догадках.

После штурмана наступила очередь связиста. Но я и без доклада знал: у него тоже порядок. Случись что-нибудь исключительное, он не стал бы соблюдать очередность — сложившаяся обстановка давала ему такое право.

Внезапно на пульте замигал рубиновый глазок экстренного вызова. Связист, не закончив доклада, отключил свой передатчик. На экране возникло широкоскулое лицо Джамаса. У него что могло случиться?

Признаюсь, его вид неприятно удивил меня. Я и не подозревал, что лицо вафия способно выражать столь крайнюю степень растерянности. Первое серьезное испытание — и такой срыв. Он не знает даже, с чего начать.

— Что у вас? — сухо спросил я.

— Элион... Что стало с Элионом?!

— Возьмите себя в руки! Ваш опыт потерял всякое значение. Я прекращаю его.

— Вот как! Вы ответите, — пригрозил он.

Таким я никогда не видел его. Незнакомый и какой-то хищный блеск в глазах, напряженные складки на лбу.

Еще раз внимательно проверил все показатели на приборной доске. Всюду норма. Включил общий обзор, сфокусировал изображение и дал сильное увеличение. Два робота, обутое в ледолазные кошки, медленно ползли к погасшему маяку. Я включил звук и услышал голос энергетика:

— Уступ обходите справа по трещине!

Роботы послушно выполнили команду.

Теперь и я рассмотрел трещину. Прежде ее не было. Я проследил, куда она приведет: почти напрямик к погасшему маяку. Энергетик свое дело знал. Через час-два все повреждения будут ликвидированы.

Казалось, на этом можно было успокоиться. Ничего особенного не случилось, наш полет продолжался строго по графику. Ничтожное отклонение от курса можно не брать в расчет.

Однако какое-то смутное, непонятное беспокойство продолжало держать меня в напряжении.

«Мы же до сих пор не выяснили причину», — сообразил я.

В то, что корабль напоролся на джи-улово, я не поверил. Если бы это была заверть, мы бы не отделались так просто... Причина могла быть одна — произошел взрыв внутри астероида.

Чтобы просветить ледяной осколок, требуется огромная энергия. Включить установку проникающего излучения я мог, лишь согласовав действия с энергетиком. Немедленно связался с ним по закрытому каналу связи. Вместе с ним проверили запасы горючего.

Включили установку. Ею не пользовались уже более десяти лет. Тогда мы просвечивали

астероид, чтобы знать, достаточно ли он надежен. Составили подробную карту. Сейчас я сличал с нею изображение, полученное на экране. Изменения были значительными: глубинные пещеры потеряли прежние формы, некоторых вовсе не стало. В центре, где находилась лаборатория Джамаса, образовался довольно длинный извилистый туннель. Судя по тому, что пустоты там сохранились, можно было предположить, что Элион уцелел. Хотя шансов на это было не так уж много.

Мои предположения подтвердились: именно отсюда, из этого места, и расходился сгусток трещин. Что же все-таки там произошло?

— Памелл, можно к тебе?

Обычно Зиная не спрашивала разрешения. Видимо, и на нее повлияло сегодняшнее происшествие. Две мордочки, ее и Фебы, выжидающе глядели на меня сквозь открытый люк на потолке. Пират, восторженно таякая, переворачивался в воздухе и уже подруливал к ним.

«Пожалуй, впредь нужно будет держать люк запертым, как требует устав», — подумал я.

— Памелл, нужно немедленно расчистить ход к бассейну. Я не знаю, что с мальками. Им пора задать корм.

Признаюсь, про мальков я совершенно забыл.

— Через два часа последствия аварии будут ликвидированы, ты сможешь навестить своих подопечных, — утешил я ее. — За два часа с ними ничего не произойдет.

Незаметно было, чтобы мои слова успокоили Зинаю. Она словно была заряжена тревогою. Ее возбуждение передалось собакам. Феба держалась настороженно, Пират бестолково суетился, недоумевая, отчего Зиная не затевает обычных игр. Несколько раз подбегал ко мне. Я избегал взгляда его восторженных доверчивых глаз. Было стыдно за незаслуженный пинок, каким я наградил его.

Вот уж не подозревал, что можно испытывать неловкость перед собакой.

Я запросил, как продвигаются работы по расчистке хода в спортивный зал. Попасть в бассейн можно будет только через него.

— Особого урона нет, — доложили мне. — Поврежден один робот-уборщик. И обнаружены еще два робота неизвестного назначения. Оба раздавлены.

Роботы неизвестного назначения — опекуны. Кроме меня, о них никто не знал. Потеря не велика: в моем подчинении еще добрых два десятка опекунов. Я вспомнил, что дал своей гвардии задание охранять все главные входы, а остальные члены экипажа сейчас появляются там и сям. Как бы мои помощники не переусердствовали. Да и Джамаса теперь не нужно стегать: он уже не сможет проникнуть в свою

лабораторию. Я переключил всех опекунов на нейтральную позицию.

И нужно еще сказать Зинае, чтобы впредь она не заходила в мою каюту. Пусть играет с собаками в гимнастическом зале. Или в своей каюте.

— Господин истранг...

Голос показался незнакомым, я удивленно поднял голову. Джамас. Быстро же он воспользовался полученной свободой... Мельком я увидел обрадованно вспыхнувшее лицо Зинаи. Это неприятно кольнуло меня. Неужели ревность? Чушь! Много, чего не позволил бы никому другому, я потому лишь разрешал ей, что смотрел на нее, как на мальчишку. Впечатление от первой встречи с нею сохранилось незамутненным.

Джамас казался напуганным. Темные зрачки встревоженно бегали по комнате, словно он что-то искал в каюте.

Даже собаки заметили происшедшую в нем перемену. Кинулись было навстречу — он не удостоил их внимания, и они обескураженно возвратились на пол.

Хорошо, что Джамас явился. Мне следовало отчитать его. Он не смеет забывать, что обстановка переменилась.

— Войдите, ор-ранг.

— Мне нужно знать, когда восстановят ход в лабораторию, — заговорил он, не успев еще занять устойчивое положение на полу. — Я настаиваю...

— Не забывайте, ор-ранг! — оборвал я его и взглянул на часы: пора было объявить всем содержание шифровки.

Включил селектор. Признаюсь, я испытывал какое-то злорадство. Раньше меня постоянно смущало, что на корабле завелся человек, который имел свое собственное мнение и которого я невольно принужден был считать в чем-то выше себя. Сейчас он был всего лишь ор-ранг. Да и то ненадолго.

— ...Мы исполним свой долг, — строгим и торжественным голосом заключил я. — Отныне праведные навсегда перестанут угрожать нам. Это победа, господа! Заранее всех поздравляю с победой!

Я выключил селектор.

Зиная выглядела оглушенной, она как будто потеряла способность что-либо сознавать и чувствовать.

— М-да, — Джамас развел руками, словно хотел сказать: «В таком случае мои претензии отпадают».

Но именно вот этого «м-да», этого жеста я не ожидал от него. Что угодно, только не это.

— Похоже, судьба миллиардов не очень расстроила вас?

— Это победа! — приподнято сказал он.

Я был ошарашен.

— Недавно вы рассуждали иначе. Что же изменилось?

— Я много размышлял обо всем. Как-никак я прошел обряд божбы.

Вот тебе раз... Не похоже было, что он говорил с иронией или усмешкой.

— Должен во всем сознаться и просить прощения, — продолжал Джамас. — Я испытывал программу, заданную роботу. А в нее заложено было своеволие, непочтение к авторитетам, крайнее свободомыслие. Я держал с ним постоянную связь и передавал вам его ответы. Это были не мои мысли, не мои слова. Я ведь не мог знать, как станут развиваться события. Считал, что мой опыт все еще имеет какое-то значение... Искренне раскаиваюсь, что невольно ввел вас в заблуждение.

— Вы говорили не то, что думали?

— Помилуй бог! Я только испытывал новую программу для Элиона.

— А то, что в трюмах вместо стратегического металла оказался другой груз, тоже входило в программу опыта?

— Я впервые услышал об этом от вас. Погрузкой ведали другие. Я не интересовался их делом.

Это походило на правду. В конце концов, каждый человек должен выполнять свои обязанности и не совать нос в чужие дела. Правило распространяется и на лартян. Однако...

— Не могу поверить человеку, который однажды солгал.

— Понимаю вас, истранг. Искренне раскаиваюсь.

Он стоял, напряженно вытянувшись, и преданно смотрел мне в лицо, как и полагалось младшему чину. Но меня почему-то внутренне передернуло от этой его угодливости. Не представлял я Джамаса таким.

— Можете возвращаться в свою каюту. Покидать ее без моего ведома по-прежнему не разрешаю.

— Вас понял, истранг.

Я посмотрел, как он взмыл к потолку, сохраняя раболепную позу. Должно быть, поэтому его движения были неловки и смешны. Нет, нисколько меня не обрадовало его смирение. Прежний, несогласный со мною Джамас был куда приятнее...

Меня поразила необычная тишина в каюте.

Зиная сидела на полу. Собаки застыли перед нею, словно боялись вспугнуть мысли своей хозяйки. А у нее был такой вид, будто она силилась решить трудную головоломку.

— Памелл... — От ее тихого голоса у меня пробежал холодок по спине: чужие тревога и страх передалась мне. — Что случилось, Памелл?

— Что случилось? — нарочито бодро повторил я. Неужели она так расстроилась из-за каких-то злосчастных мальков? — Да ничего

особенного. Корабль попал в заперть, но опасность миновала, и...

— Нет, не то! Разве ты ничего не заметил? Что-то страшное случилось с Джамасом. Он не мог стать таким. Я же знаю его.

— Многие люди очень искусно притворяются. Ты слишком доверчива.

— Нет! Какой ты... Это был не Джамас!

— Кто же? — усмехнулся я.

— Это был тот.

Я догадался, кого она подразумевала.

— Глупости! Элион остался в центре астероида.

— Там Джамас! Настоящий Джамас. Он там, — в ее голосе звучала уверенность и короткая вспышка радости: наконец-то ей удалось решить головоломку.

— Исключается! — остановил я ее. — В моем распоряжении находятся специальные роботы. Я приказал им не выпускать Джамаса. Он не мог попасть в лабораторию.

— Но он был там! Я знаю...

Я изумленно смотрел в ее застывшие от напряжения глаза.

— Что ты знаешь?

— Так. Ничего... — Зиная явно растерялась. — Поверь мне, Джамас там!

— Он не мог попасть в лабораторию. Опекуны сообщили бы мне. Тебя он мог обвести вокруг пальца — но не их. Это же роботы. Их не подкупишь и не соблазнишь.

— Я не знаю, как он попал туда, но он был там!

— Он не мог попасть туда. Роботы...

— Да перестань! Затвердил: роботы, роботы! — в голосе Зинаи слышалось отчаяние. — Я не знаю, как он туда попал. Но он был там! И он там остался. Как ты можешь сидеть и рассуждать? Немедленно распорядись, чтобы начали пробивать ход в лабораторию!

— Замолчи! Не смей говорить со мной таким тоном.

— Не замолчу! — она готова была заплакать и совершенно не отдавала отчета в своих поступках. — Не замолчу! — Она даже притопнула на меня.

Феба зарычала, подозрительно глядя в мою сторону. Пират, не зная, что ему делать, визгливо затыкал, поглядывая то на меня, то на Зинаю. Ни с кем из нас ему не хотелось терять дружбу.

— Тем, что ты будешь топать и кричать на меня, делу не поможешь. Я должен побыть один. Отправляйся в каюту и не смей выходить!

Мой властный тон подействовал на нее. Она повиновалась.

И вдруг меня озарило.

Выходит, я ошибался, когда думал, что актриса из Зинаи не получится. Еще какая актриса

получилась! А если учесть, что играть свою роль ей пришлось без единой репетиции... Да еще так убедительно сыграть. Чуть-чуть я не влип, чуть-чуть не попался на удочку.

Не до конца ясно лишь одно. Зачем Джамасу нужен сейчас Элион? Или он хочет спасти из своей лаборатории что-то еще?

Но как же все-таки искусно сыграли они свои роли!

Едва Джамас пришел в себя после встряски, он связался с Зинаей. То, что вход в лабораторию завален, он, конечно, понял сам. Зачем-то ему необходимо побывать там. Зачем? Пока это загадка... Он связался с Зинаей, и они условились разыграть эту сцену. А иначе — как еще можно убедить меня в необходимости пробить новый туннель?

Но вот время для своего спектакля они выбрали неудачно.

В моих лихорадочных, торопливых рассуждениях все время был какой-то горький осадок. Я хорошо сознавал причину. Джамас для меня больше не существовал. Им займется военный суд, как только мы окажемся на Земтере. Неизвестно, правда, когда это будет. Но Зиная...

Я потянулся было к видеофону. Однако вызывать Зинаю не потребовалось.

— Памелл!..

Я оглянулся и в проеме дверного люка увидел ее лицо с изумленно раскрытыми глазами.

Я невольно вздрогнул от чувства, совершенно неуместного сейчас. Мысленно даже выругался. Я совсем не испытывал к ней справедливой ненависти — меня пронзило унижительное чувство обиды. Хорошо еще, что никто и никогда не узнает этого. Иначе я бы просто сгорел со стыда.

— Памелл!.. — Она стояла уже на полу возле моего кресла и, чем-то сконфуженная, просительно заглядывала мне в лицо. Я молчал, избегая ее взгляда. — Памелл, ты заподозрил, что я... Ну, что мы сговорились и обманули тебя?

Вот тебе раз! Этого вопроса я меньше всего ожидал от нее. На мгновение растерялся.

— Конечно же! — воскликнула она. Ее лицо выражало отчаяние. — Как я сразу не подумала об этом! Ты не поверил мне? Решил, что мы в сговоре?

«Старый дурак! — обозвал я себя. — Еще немного, и она растрогает тебя. Тоже мне истранг!»

Думаю, что мне все-таки удалось сохранить лицо невозмутимым: за двадцать лет я ведь разучился не только улыбаться.

— Да, я подумал именно это, — сказал я. — Всего лишь минуту назад я был уверен: так оно и есть.

— А теперь? — радостно вспыхнула она.

— Теперь верю тебе.

— Правда?! — в ее голосе звучал почти восторг. — Значит...

Да, черт возьми, об этом я не успел подумать. Ведь если они не в сговоре, тогда... тогда Зиная права, и ее подозрения... Нет! Это невозможно. Элион — это одеревенелое чучело — выдал себя за Джамаса?

— Подожди, — перебил я ее. — Ты серьезно думаешь, что здесь был Элион?

— Он. Джамас никогда не станет таким.

— Ты ослеплена! Ты просто влюблена в него. Так бывает. Ты не знала его по-настоящему. Ты просто воображала его другим.

— Неправда! Я хорошо знаю его!

— Ладно, — согласился я. — Но не этот же чурбан, который — ты сама говорила — передвигается на четвереньках...

— Я ничего не понимаю. Но это был он — Элион.

— Не мог же он мгновенно обучиться всему?

— Эксперимент, — подсказала Зиная и отчего-то отчаянно покраснела.

— Эксперимент, — повторил я. — Что это за таинственный эксперимент? Что ты знаешь о нем?

— Ничего. Джамас держал в тайне.

Вот когда я по-настоящему пожалел, что не знаю нейроквантики. Ведь описание эксперимента находилось у меня в руках, и я мог, если бы очень захотел, разобраться во всем. И не было бы сейчас никаких тайн.

— Хорошо, — решил я. — Мы отправимся в лабораторию. Не обязательно прорубать новый туннель. На корабле есть ледолазная лодка — она может передвигаться во льду...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вход в шахту из соединительного тамбура был уже расчищен. Несколько роботов под наблюдением инженера устанавливали временные крепи в коротком туннеле, ведущем к бассейну с мальками. Туда можно было пройти.

— Памелл, я сбегая, посмотрю, как там?

— Иди, — разрешил я. — В твоём распоряжении четверть часа.

Пират и Феба бросились вслед за нею. На роботов они не обращали внимания. Я мельком оглядел знакомый спортзал. Больших перемен не произошло. Когда уборщики очистят пол от ледяного крошева и подровняют площадку, все станет как было. Собственно, восстанавливать спортивную арену теперь незачем. Через несколько суток все превратится в бесформенную полужидкую ледяную массу, которая расплывется по материке, заполнит впадины и хлынет в океан, слизнув по пути города...

Я поскорее отогнал эти мысли. Не мое дело размышлять о последствиях.

Ледолазка была пришвартована к борту корабля, попасть в нее можно только через спортивный зал. Я проверил исправность двигателей, систему управления и пульт дистанционной связи. Кабина рассчитана на пятерых, она занимает меньше трети всей лодки, остальное — двигатели и камеры с горючим.

Неожиданно появился Джамас. Он был сильно возбужден и даже не пытался скрыть этого.

— Вы собрались в лабораторию? И не предупредили меня?

— Ор-ранг! Не забываетесь, — одернул я его.

— Простите, истранг, — перестроился он. — Но вы должны понять меня! Все же я больше других заинтересован в судьбе оборудования. Я непременно должен попасть туда.

Быстрое решение пришло мне в голову. Там, в глубине ледяного астероида, я заставлю его признаться во всем, что он натворил. Если вздумает упорствовать, пригрожу тем, что брошу там его одного. Я был уверен: Джамаса можно взять на испуг.

А одновременно я докажу Зинае, что этот человек не заслуживает восхищения. Правда, она и не считает его человеком — думает, что это Элион. Пусть же увидит их вместе, ей придется расстаться с последними иллюзиями...

— Садитесь в кабину, — разрешил я Джамасу.

Возвратилась Зиная с собаками.

— Мальки живы! — крикнула она издали. — Я так боялась за них! У тебя готово? Можем отправляться?

Я не успел решить, следует брать собак или нет, как они запрыгнули в кабину следом за Зинаей.

Зиная не ожидала встретить здесь Джамаса. В полной растерянности она молча перекидывала испуганный взгляд с него на меня. Джамас, напротив, словно не заметил ни ее, ни собак.

Пока лодка медленно вонзалась в толщу льда, я еще раз проверил исправность всех узлов, испытал пульт дистанционной связи и предупредил остальных о нашей вылазке. Если потребуется, они свяжутся со мной по радио.

Наконец, можно было включить дюзы. Их вой на мгновение оглушил нас. Лодка рванулась вперед, теперь она пронизывала ледяную толщу, словно раскаленная игла. Мне все время приходилось следить за рычагами управления, удерживать нужный курс. За моей спиной жалобно скулил Пират. Путешествие в ледолазке пришлось ему не по вкусу: скорость была неравномерной, рывки сменялись торможением, и собак постоянно швыряло то вперед, то назад. Мы-то сидели в креслах, надежно пристегнутые к сиденьям...

На экране обозначился контур расплющенной пустоты — той самой, где находились лаборатория и соединительные коридоры. Я вовремя снизил скорость: лодка вошла в пустоту коридора и тут же остановилась. Места, чтобы развернуть ее в обратную сторону, было достаточно. На это ушло несколько минут. Теперь можно было выйти наружу.

Первой выпрыгнула Зиная, следом за ней собаки. Потом Джамас. Когда я вышел из кабины, их уже и след простыл.

Их торопливость показалась мне подозрительной. Почему они не дождались меня?

Не было видно даже отблесков света их индивидуальных светильников. Не в темноте же они пробираются? Странно все-таки... Я включил свой фонарь, луч света уперся в дальнюю стену. Разглядел небольшой затененный лаз, ведущий вглубь. Несколько трещин уводили в стороны от главного хода. Нужно быть хорошо уверенным в себе, чтобы рискнуть идти без света... Неподалеку в боковой трещине обрушилась льдина, грохот глухо разнесся в пустоте.

Я пустился вдогонку за Джамасом и Зинаей. У меня вновь зародилось подозрение, что они в сговоре. Они искусно разыгрывали взаимную вражду и отчуждение, чтобы притупить мою бдительность. Но теперь, когда достигли цели, не считали нужным скрываться... Я торопился настичь их. Жаль, что здесь в моем распоряжении нет опекунов. Вообще никого нет.

Что им нужно в лаборатории? Почему оба так рвутся туда?

Машинально я отломил осколок льда и сунул в рот. Ощутил приятный освежающий холодок. Лед показался мне сладковатым на вкус, во рту от него стало щекотно.

Любопытно, как быстро освоились собаки в невесомости. Мы-то продвигались с помощью кошек на руках и ногах.

Почему-то вдруг вспомнилась шахматная позиция в том положении, как она была прервана. Ответа на мои последние ходы с Земтера еще не пришло. Да, впрочем, и мне, и Глобу стало теперь не до шахмат. Что ж, игра прервана. Однако я никак не мог отвлечься от позиции. Больше того, скоро выяснилось, что в памяти запечатлелась не только она — с такой же четкостью я увидел и остальные девять партий, одну за другой.

Со мною творилось что-то невероятное, необъяснимое: в доли секунды припомнились все ходы, сделанные раньше, я мог без малейшего усилия восстановить все до единой партии, даже самые первые из них. Сейчас я с невероятной легкостью отыскивал собственные ошибки и поражался глупости своих противников, которые не использовали столь очевидных промахов. Глоб, играй это он, не упустил бы возможности нанести мне разгромный удар.

Насколько же все-таки он играет сильнее прежних моих партнеров. И насколько я сам вырос!

В уме мелькнуло что-то важное, какой-то тревожный вопрос, который необходимо решить немедленно, не откладывая... Но я опять погрузился в шахматную позицию.

«Точно! Джамас был прав!» — едва не воскликнул я вслух в непонятном возбуждении. Джамас бесконечно прав: против меня играл не Глоб, а машина! Программа, заданная ей, стала ясна мне вдруг, будто я сам составлял ее. Воспаленный мозг работал неистово и стремительно, мог разыгрывать и анализировать все сыгранные мною партии одновременно. Я сортировал их, группируя похожие варианты, сравнивал, как играл сам и как играли против меня в аналогичных позициях когда-то и теперь. Мысленно проследил все этапы роста своих соперников, точнее — теперь я был убежден в этом — одного соперника, машины.

Почему же я не догадался об этом раньше?

Сейчас я и сам мог предсказать ответы машины на свои последние ходы.

Программа машины имела всего лишь один изъян. Видимо, Глоб убежден, что в любом положении можно отыскать единственный, наилучший ход. Он думает, достаточно определить все признаки, по которым следует оценивать плюсы и минусы позиции, и задать машине точные цифровые оценки. Свести поиск решения к простому арифметическому расчету. Но именно этот пункт и давал мне преимущество! Лучшего и единственного хода не может быть, я совершенно убежден в этом. Для меня на всех десяти досках было что выбирать. И теперь я знал, на каких вариантах следует остановиться.

Все эти мысли пришли мне в какие-то доли секунды.

В следующее мгновение меня поразила другая мысль. С чего у меня вдруг съявилась необыкновенная способность? Я как будто в самом деле видел перед собой все десять досок... Попробовал вспомнить что-нибудь другое. Выбрал самое трудное — папку с бумагами Джамаса.

Оказалось, что и их я тоже могу видеть с такой же четкостью, как шахматные фигуры. Знаки и буквы формул, которые для меня не содержали ни малейшего смысла. Все страницы — каждую по отдельности — я мог рассматривать в подробностях, точно они находились сейчас перед глазами. Я попробовал читать. Мне удалось и это. Более того, я без усилия разобрал смысл написанного. Все, что я когда-то учил, но считал давно и прочно позабытым, вспоминалось в нужный момент. Там, где знаний не хватало, я постигал суть формул, вникая в чужую мысль.

Должно быть у меня воспалился мозг... Но если даже и так, воспаление не было болезнен-

ным. Я ни на мгновение не забывал, где нахожусь, куда и зачем продвигаюсь...

Мне стала ясна суть эксперимента. Джамас не побоялся дать мне свою папку, будучи абсолютно уверенным, что при моих знаниях я ничего не пойму. И он не ошибся. В обычном состоянии я ничего бы не понял. Но сейчас на меня накатился внезапный приступ вдохновения. То, что готовил Джамас, нельзя назвать киборгом. Киборг все-таки симбиоз человека и счетной машины. А Элион — не счетная машина, скорее искусственный человек, неодушевленная поначалу модель Джамаса. Эксперимент состоял в том, чтобы мгновенно, без длительного и трудного обучения передать Элиону все, что знал и умел сам Джамас. Зарядить Элиона духовно.

Так кто же сейчас находился с нами: Элион или Джамас?

И еще мне не ясно было, как Джамас попал в лабораторию. Он ведь не мог зарядить Элиона на расстоянии!

Впереди блеснул свет. Лабораторный зал был раздавлен, теперь из коридора в него можно было попасть сквозь пролом.

Злобно заворчала Феба, но, узнав меня, затихла. Яркий луч ударил в глаза, ненадолго ослепил.

— Это ты? — узнал я голос Зинаи. — А где Элион?

— Разве он не с тобой? — после яркого света я ничего не мог разглядеть в зале.

— Он опять что-то замышляет! Зачем ты его взял?

Наконец, глаза привыкли, и я увидел Зинаю. Вцепившись кошками в ледяной пол, она удерживала в руках продолговатый предмет, плавающий в воздухе. Я разглядел, что это человек, закутанный в одежды.

— Он живой! Он только закоченел, не может прийти в себя.

Человек — Элион или Джамас? — похоже, спал. Правда, дыхания не было слышно. Я пощупал руку: нет, все-таки живой, иначе давно бы окостенел в этом леднике.

— Нужно нести его в лодку и быстрее на корабль. Там он придет в чувство, — сказала Зиная.

— Будем надеяться — придет. Но... кто это?

— Джамас. Неужели ты до сих пор считаешь Джамасом того?

— Возможно, ты и права. Ты полагаешь, Элион способен на что-нибудь опасное... скажем, на убийство?

— Еще как способен! Разве это не ясно? Он же пытался убить Джамаса! Наверное, думал, что его раздавит льдами. А потом, когда мы собрались сюда, испугался, что Джамас жив. И что-то затеял опять... Где ты его оставил?

— Не паникуй, — успокоил я ее. — Пока он

ничего не сделал: если он надумает вернуться один, мы услышим рев мотора.

— Тогда будет поздно.

— Не будет. Свяжемся с кораблем. Его сразу же арестуют, а лодку снарядят за нами. Но скорее всего Элион заблудился. Ты видела, как много здесь боковых трещин.

Разговаривая, мы выбрались из зала в коридор.

«Будет поздно». Зиная и не подозревает, как она права. Связь с кораблем я могу держать только из лодки. Я не сказал об этом нарочно. Если ему взбредет в голову оставить нас, через сутки, другие мы превратимся в ледышки. Вернувшись на корабль, он сочинит какую-нибудь небылицу о нашей гибели... Но почему он тогда до сих пор не удрал? Чего он ждет?

И снова внезапная догадка поразила меня.

— Тише! — шепотом остановил я Зинаю. — Погаси фонарь.

Мы остались в темноте. Тусклое мерцание исходило теперь лишь от комбинезона Зинаи. Притихли в ожидании и собаки.

— Что? — совсем близко прозвучал возбужденный шепот.

— Оставайся здесь, не зажигай света, не

двигайся, не подавай никаких звуков. Я пойду один.

Я не стал говорить всей правды: положение было отчаянным. Я даже не был уверен, смогу ли сделать что-нибудь.

Теперь-то я понял, чего он ждет. Будь он уверен, что телеустановка в лаборатории вышла из строя, он давно бы пустился в обратный путь.

Я отчетливо представил его, сидящего сейчас в лодке в водительском кресле. Он положил руку на пусковой рычаг и ждет нас. Когда мы подойдем близко — включит дюзы. Струи раскаленного газа испепелят нас... Элион подозрительно прислушивается, ждет, когда на ледяных стенах пещеры появятся отблески света наших фонарей.

Я продвинулся совсем немного. Пробираться по узкому лазу в темноте не так-то просто.

Внезапно услышал чье-то тихое дыхание. Затаился. Кто-то осторожно и мягко прикоснулся ко мне сзади. Рука уткнулась в теплую шерсть, шершавый язык лизнул руку. Это была Феба. Издали донесся шепот Зинаи:

— Возьми ее, она будет слушаться тебя. Я велела ей.

Хоть я и не представлял, какой прок может быть от собаки, все же мне стало не так тревожно.

Вспомнился шум в боковой трещине, услышанный мною на пути в лабораторию. Как я не сообразил?.. Лед ведь сам по себе не мог загрохотать: в невесомости глыбам некуда рушиться. Стало быть, там прятался Элион, выжидал, когда я пройду мимо.

Мы с Фебой достигли самого узкого пережима. Отсюда до лодки совсем недалеко. Я удвоил осторожность. Понятливая Феба, похоже, и дышать перестала.

Я и прежде поражался тому, как ловко передвигались собаки по коридору «Гроссмейстера» в невесомости. Сейчас Феба легко выбирала путь в крошечной темноте.

Наконец, последний поворот. Осторожно выглядываю: черный корпус лодки совсем рядом. Если сейчас запустить двигатели, от нас с Фебой не останется и горстки пепла.

Мои предположения оправдались. Из приоткрытой дверцы кабины на ледяную стенку падала полоса света и тень головы. Элион наготове, голову высунул наружу, прислушивается, ждет. Как только услышит нас, захлопнет дверцу и рванет рычаг.

Тихо-тихо слышится похрустывание льдинок. В уме прикидываю, что лучше: попытаться подкрасться к нему и напасть или вступить в переговоры? Только вот не запустит ли он двигатели, едва услышит мой голос? И подкрасться незаметно невозможно...

Рядом я ощутил тепло. Это Феба. Влажный и теплый язык собаки коснулся моей щеки. Сейчас это дружеское прикосновение ничуть не противно мне. Феба словно чего-то ждет от меня.

А что если попытаться?..

Я прижался губами к самому уху собаки.

— Феба, вперед — взять, — шепчу ей. — Только, ради бога, осторожней...

Неслышный толчок лапами — и распластанное ловкое тело бесшумно проскользнуло сквозь пролом. Элион ничего не услышал, не изменил позы. Феба изящно скользила в воздухе, медленно приближаясь к нему. Сейчас он уже не мог видеть ее — мешала приотворенная дверца. Я затаил дыхание. Феба подобрала задние лапы, сжалась в комок, спружинивая мускулы для решительного броска. Я не уловил момента, когда она кинулась на Элиона. Раздался отчаянный вопль.

Я рванул вперед, но застрял в тесной дыре. Вопль ужаса и непереносимого страха ни на мгновение не замолкал. Элион не ждал внезапного нападения, не приготовился к нему. Включить двигатели сейчас он не сможет, если даже ему и удастся рвануть рычаг: запустить их можно только при закрытой дверце. Я торопился на помощь Фебе. Однако меня опередил Пират. Он ухитрился проскользнуть сквозь дыру, когда она была почти полностью заклинена мо-

им телом. Собачий лай и ворчание удвоились. Я подоспел, когда Пират и Феба уже выволокли Элиона из кабины. Его трясло от пережитого страха, руками он закрывал лицо. Сквозь пальцы сочилась кровь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Начнем с шифровки, — сказал я, включив записывающий автомат. — Вы узнали ее содержание? Каким образом?

Джамас, устало откинувшись на спинку кресла, сидел напротив меня. По его губам скользила горькая усмешка.

— Почему эта чертова глыба не разлетелась на куски?

Я не ожидал такого вопроса. И вообще — спрашиваю здесь я.

— Так взрыв — дело ваших рук?

Собственно, это мне и без него ясно, я не понимал только, зачем понадобилось ему рисковать ради этого жизнью.

— Да, — признался он. — Дело моих рук.

Он с каким-то изумлением поглядел на свои бессильно лежащие кисти. Даже перевернул ладонями кверху, как будто самому не верилось, что это и есть те самые руки, которые повинны во всем.

— Зачем вы это сделали?

Помимо воли в моем голосе прозвучала жалость. Жалость, наверное, не к нему, а к себе. Я бы сейчас многим пожертвовал, чтобы вернуть наши недавние отношения. Но сейчас не время для сантиментов.

Джамас как-то странно смотрел на меня, будто хотел прочитать мои мысли.

— Чистосердечное признание смягчит вашу участь, — произнес я стереотипную фразу.

— Может быть, я еще и раскаяться должен? Этого вы добиваетесь? — с неприязнью произнес он. — Ни в чем не раскаиваюсь. Разве что... в своей ошибке.

— Какой ошибке?

Наш разговор будет записан дословно и передан в трибунал. Мне следовало придерживаться строгой последовательности в вопросах. Но у меня нет ясного плана: на корабле не оказалось инструкции по проведению допросов.

— Элион... Я слишком положился на него. Как на самого себя, — криво усмехнулся Джамас.

— Попрошу вас, — официальным тоном произнес я, — придерживаться последовательности. Первый вопрос: вы хотели взорвать астероид?

— Да! Хотел!

— Зачем?

— Чтобы сорвать вашу «гуманную миссию». Вы же собрались избавить человечество от жажды...

Похоже, он действительно знал содержание шифровки. Иначе чем объяснить эту мрачную иронию в его голосе?

— Вы знали, какая операция готовится?

— Оказывается, это может звучать совсем невинно — «операция!»

— Вы знали содержание последней шифровки?

— Знал. Я видел ее.

— Моя вина. Я допустил, что текст закодированной телеграммы мне показали на экране видеофона. — Я говорил это уже не Джамасу. Все равно мне придется давать показания для трибунала. — Я проявил непростительную халатность. Но... Вы могли видеть шифровку в течение нескольких секунд. Не больше.

— Этого достаточно. У меня фотографическая память.

Недавно и у меня ненадолго вдруг обнаружилась фотографическая память. Но я умолчал об этом.

— Мало запомнить, — сказал я вслух, — нужно еще расшифровать.

— Кодовые таблицы я похитил раньше, — Джамас чуть приметно усмехнулся. — Ваш сейф не больно-то надежен.

— Сейф вы не могли вскрыть! — не поверил я.

— Отчего же? Ключом служит узор линий на вашем указательном пальце — разве не так? Отпечатки ваших пальцев я снял с дверной ручки. А изготовить ткань, имитирующую кожу руки, было не сложно.

М-да, теперь я окончательно убедился, что на корабле орудовал квалифицированный шпион.

— Объясните по порядку: в чем именно состоял ваш план, какая роль отводилась в нем Элиону и почему замысел не удался?

— Так ли уж это важно теперь?

— И все-таки, — настаивал я.

— Хорошо, — не стал спорить он. — Элион — это моя копия. Вернее, я думал: получится копия. Боюсь, что вам тут многого не понять. Я создал биомолекулярного робота. Даже и не робота — живое существо. Затем я должен был спроецировать в его мозг свой интеллект. Как это сделать, я мог бы объяснить только нейроквантику.

— Не считайте других простаками, Джамас. — Этого не следовало говорить, но я не мог удержаться. — Ваш расчет построен на суммарном импульсе коллективного состояния мозговых нейронов.

— Вы разбираетесь в нейроквантике? — опешил Джамас.

— Это не имеет отношения к делу, — сказал я. — Продолжим. Вы изготовили копию самого себя, зарядили ее собственным интеллектом... Что дальше?

— Видимо, изоляция была недостаточной, проникло постороннее облучение: Элион не стал точной моей копией.

— А если бы он был точной копией, что тогда?

— Один из нас — безразлично кто — оставался в лаборатории, другой возвращался на корабль, отключал аварийную систему. Взрывом изнутри астероид разнесло бы на куски. И вы бы не смогли погубить Земтер.

— Не весь Земтер, а только земли праведных, — уточнил я. — Почему же замысел сорвался?

— Элион... У меня мелькнуло подозрение, когда он высказал, что справедливее будет, если погибну я, а он останется в живых и судить будут его. «Должен же и я испытать хоть что-нибудь», — заявил он. Я согласился с ним. В конце концов, было безразлично, кто из нас останется в лаборатории, кто пойдет на корабль. Мы оба обрекли себя на гибель. По крайней мере, так считал я.

На потолке звякнул сигнал. Рассыльный автомат принес заказанный мною завтрак. Нам предстоял еще долгий разговор, и нужно, чтобы Джамас подкрепился.

Пока автомат расставлял посуду, Джамас сидел, откинувшись на спинку стула, и безучастно смотрел перед собою.

Рассыльный удалился, я запер дверь на автощеколду. Если бы я всегда соблюдал это правило!.. Поздно я спохватился: теперь мне и самому не сдобровать. Правда, суд надо мной состоится не скоро. После того, как на Земтер обрушится океан льда, всем явно станет не до меня.

Я ждал, когда Джамас покончит с завтраком. Он не спешил. Впрочем, делал это не намеренно. Просто не мог быстрее. По-доброму, ему следовало хорошенько отдохнуть.

Взорвать астероид Джамас хотел с помощью энерготоплива, предназначенного для питания силовой установки. Взрыв был бы не очень мощным, но вполне достаточным, чтобы ледяная глыба развалилась на куски, которые уже невозможно будет обрушить на Земтер — они промчатся в нескольких километрах от планеты.

Но, к счастью, Элион не стал копией Джамаса. Ему совсем не хотелось погибать ради чужих целей. Достигнув корабля, он подал ложный знак, будто аварийная система отключена и он выполнил все, что требовалось. Он был уверен, что подлинный Джамас, если и уцелеет после взрыва, проживет недолго. Никто не заподозрит подмены.

Не будь Зинаи, Элион достиг бы своей цели. Я бы еще долго недоумевал, что же произошло с Джамасом, почему он вдруг преобразился, стал непохожим на себя...

Микрофоны я отключил, мне хотелось кое-что выяснить для себя.

— Почему Элион все-таки не стал вашим двойником? Вы же передали ему все свои мысли, стремления, словом, весь интеллект...

— Очевидно, не только интеллект составляет сущность человека.

— Что еще?

— То, что мы называем натурой. Природа избыточно запаслива, она не скупится в средствах, чтобы сохранить вид или особь. Новорожденный еще не обладает характером, в зависимости от условий, от обстановки в нем развивается один из возможных вариантов, который впоследствии закрепляется окончательно. Ни окружающие, ни сам человек даже и не подозревают о том, что он мог бы стать и совершенно иным, что у него могли развиться совершенно другие задатки. А эти непроявленные задатки сохраняются на всю жизнь. В редких, исключительных случаях они оживают, причем их власть над человеком может оказаться очень сильной. Да, в каждом из нас сохранены ростки иного характера.

— Выходит, Элион?..

— Да. Как ни досадно признаваться в этом, Элион приобрел мою квазинатуру, о которой я не подозревал и не узнал бы, возможно, никогда.

— Он труслив и подобоострастен, холоден и расчетлив.

— Видимо, сказалось необычайное волнение, испытанное мною во время эксперимента. Теперь Элиона вряд ли уже изменишь.

— Кстати, ему сделали перевязку и укол. Скоро он придет в себя.

— Как вы намерены поступить с ним?

— Случай беспрецедентный. Я еще не решил.

— Я бы хотел присутствовать при допросе.

— Исключается.

Признаюсь, мне пока не приходило в голову допрашивать Элиона. Интересно, как он поведет себя?

— Ну, хорошо, а если бы ничего не произошло, для какой цели тогда предназначался Элион?

— Цель была простая — сделать двойника. Так много замыслов рождалось здесь, — указательным пальцем он прикоснулся ко лбу, — работы хватило бы на десятерых. Хотелось иметь бескорыстного и надежного помощника. Один из нас по очереди всегда сидел бы и работал, другой наносил визиты и прочее. Одну жизнь мы разделили бы на двоих. Мне казалось, меня такая жизнь устроила бы вполне. А он во всем будет таким же, как я...

Джамас говорил сейчас как будто вовсе и не со мной. Во всяком случае, мне так казалось. На моем месте мог быть кто угодно, а он гово-

рил бы то же самое: ему нужно было высказаться.

— До самого последнего часа я не был уверен, что решусь на эксперимент. Снова и снова проверял расчеты, испытывал установку. Я не мог дать себе отчета, зачем это делаю — ведь все уже было проверено и испытано. Теперь-то я знаю: боялся, что не уживусь с двойником, у нас возникнет разлад, ему захочется собственной жизни, собственной судьбы. Вот чего я боялся. А поскольку он — это я, значит, я не был уверен в себе...

Я уже давно включил магнитофон, и слова Джамаса записывались на пленку. Для дознания может понадобиться его исповедь.

— Когда пришла эти шифровка... Я и раньше подозревал, что наши способны на отчаянный шаг, лишь бы доказать кому-то свою правоту. Неизвестно даже кому... Теперь, когда они явно проигрывали войну, им, при их одержимости, не оставалось иного выхода. Я решился и, выследив, когда вас не было в каюте, вскрыл сейф, достал таблицы...

— Вам помогла Зиная? — Я спросил не ради протокола: мне самому хотелось знать, насколько она замешана в деле.

— Поскольку вы часто вместе с нею бывали в спортивном зале, я попросил Зинаю, чтобы она задержала вас, если бы вам вздумалось возвратиться раньше времени. Только и всего. Зиная ничего не подозревала, я не посвящал ее в свои планы, — прибавил он поспешно, только сейчас сообразив, что каждое его слово может быть использовано против Зинаи. — Я никогда, ни одним словом, ни намеком не дал ей понять, что затеваю. Она решительно ничего не подозревала... Когда вы включили эту идиотскую штуку? — спросил он, с ненавистью взглянув на торчащие из стола микрофоны.

— Я рад, что Зиная не замешана в деле, — громко, для микрофона, сказал я.

— Иначе вы допросили бы и ее?

— Допроса ей не избежать. Но она будет допрошена как свидетель — не как соучастник.

— И на том спасибо.

— Остается выяснить последний пункт: как вам удалось проникнуть в лабораторию? Опекуны должны были задержать вас.

— На Ларте среди моих друзей находится один из конструкторов «Гроссмейстера». От него я и слышал про так называемых опекунов. Сообразить, как они отключаются, было нетрудно.

— Значит, Зиная говорила правду: вы были в лаборатории? Выходит, кое-что она знала?

— А вы хотите во что бы то ни стало впутать и ее?

— Я хочу одного: установить истину. Это мой долг.

— О! Когда речь заходит о долге, тут уж

вашего брата лучше не трогать. Пощады не будет никому.

— С врагами, кто бы они ни были, не церемонятся.

Некоторое время мы молчали, разглядывая друг друга в упор. Его самообладание поражало меня. Это не Элион. Похоже, его ничуть не страшит собственная судьба. Или он все еще на что-то надеется? Напрасно надеется — не тот случай.

— У вас была связь с разведывательным центром праведных, — сказал я. — Каким способом вы поддерживали ее?

— С разведывательным центром?.. — в его голосе прозвучало неподдельное изумление.

— Не прикидывайтесь простаком, Джамас. Кто-то же руководил вами? Давал задания?

— Вот как! — неожиданно он рассмеялся. — Вы убеждены в этом? Впрочем, рассуждать иначе вы и не можете, не способны. А если кто-то просто не пожелал стать соучастником массового убийства? Не по заданию, а в силу своих убеждений и совести? Этого вам не представить?

— Это было бы изменой истинной вере.

— Вы имеете в виду спектакль, который мы разыгрывали перед тумбой с магнитофоном и священной книгой?

Я нажал кнопку: из стены появились двое опекунов.

— Надеть наручники, — распорядился я.

Джамас не сопротивлялся. Роботы с увесистыми дубинками в руках стояли за его спиной, пучеглазо уставившись на меня и ожидая дальнейших инструкций. Этакое бравые и исполнительные молодцы. На них я вполне могу положиться. Программа, заданная им, сформулирована четко и однозначно: они только выполняют приказы.

— У меня последняя просьба, — сказал Джамас.

— Говорите, — разрешил я.

— «Гроссмейстер» должен быть оснащен двумя, если не тремя спасательными шляпками? Я кивком подтвердил: «Да, оснащен».

— Пожертвуйте одной из них — отправьте Зинаю на Ларт. После всего, что уже случилось, это ненамного отяжелит вашу вину.

— Хорошо, — сразу согласился я. Подобная мысль уже приходила мне в голову. — Я сделаю это.

Видимо, Джамас не рассчитывал на быстрый успех, он не мог скрыть своей радости.

— Навсегда останусь благодарен, — заверил он. — И... я хотел бы повидать ее.

— Только в моем присутствии.

— Если нельзя иначе...

Я включил малый экран, так, чтобы Зиная могла видеть лишь мое лицо, не всю каюту. Одновременно вновь отключил магнитофон.

— Зайди ко мне, — сказал я. — Только собак оставь у себя.

— Оставляю, — с непонятным мне раздражением сказала она. — Можешь не волноваться.

Непроизвольная улыбка осветила ее лицо, когда она увидела Джамаса. Из-за этой улыбки, предназначенной другому, я сразу возненавидел ее. Однако усилием воли подавил в себе унижительное чувство.

— Джамас хочет поговорить с тобой, — сказал я.

— Истранг был настолько любезен, что не отказал мне. Сядь! — велел он Зинае, которая недоуменно рассматривала опекунов за спиной Джамаса.

— Что это? — она оглянулась на меня.

— Не беспокойся, тебя они не тронут, — улыбкой ободрил ее Джамас. — Сядь! — настойчиво повторил он. — То, что я хочу сказать тебе, очень важно.

Зиная машинально опустилась на стул. Я не уверен, что она слушала Джамаса. Ее лицо выражало одно лишь недоумение.

— Скоро ты возвратишься на Ларт. Памелл обещал, — говорил Джамас. — Скажешь моему помощнику Виру — ты знакома с ним...

Я напряг внимание: мне непременно нужно вникнуть в смысл того, что Джамас хочет передать на Ларт. При существующем на Ларте положении любая информация сразу же станет известна врагам.

— Скажешь так: наша общая ошибка — ошибка Глоба и наша с Виром — в том, что мы слишком поверили в абсолютность знаний и законов, уже открытых наукой. Ты слышишь меня, Зиная?

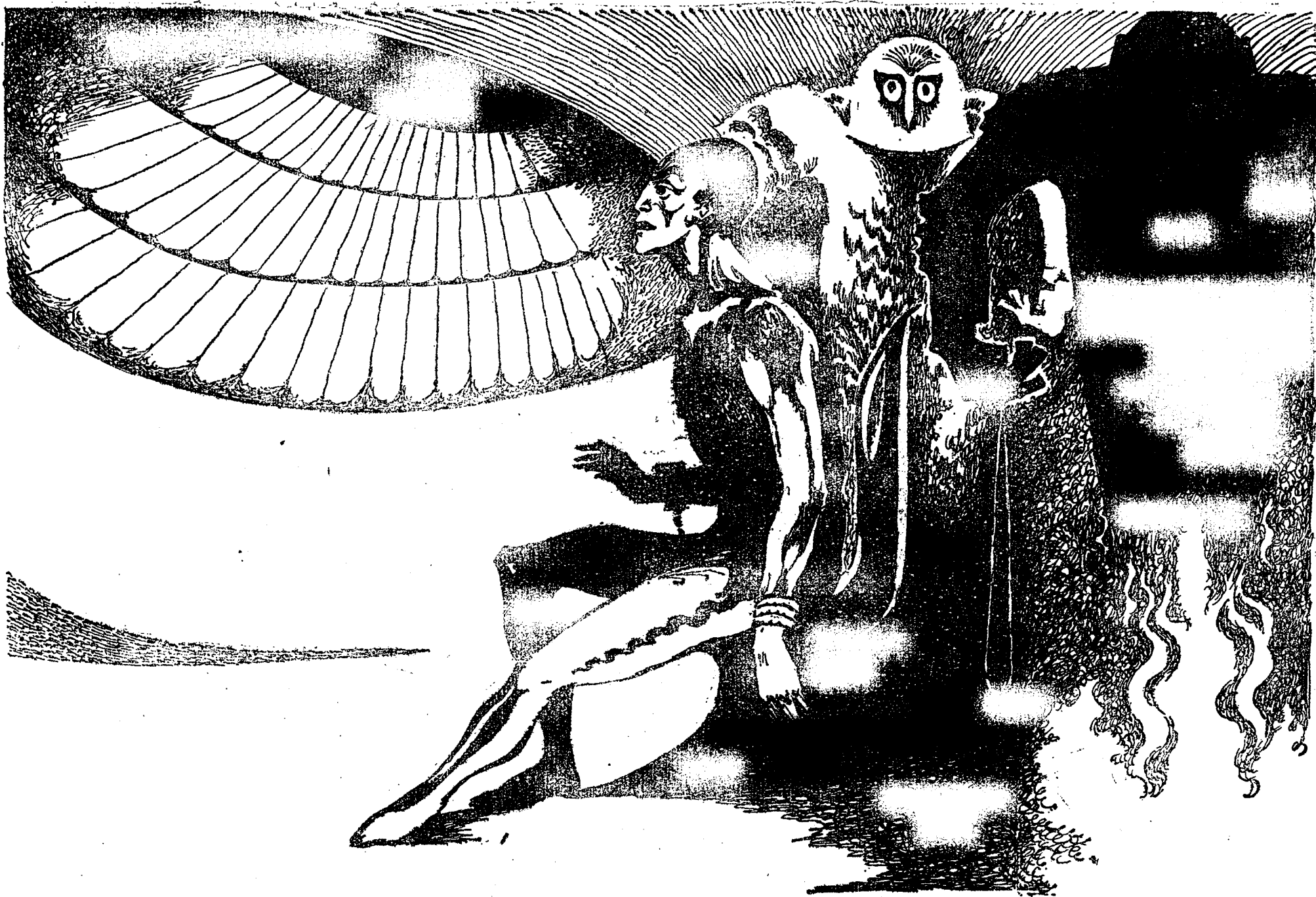
Она резко встряхнула головой.

— Слышу.

— Повтори.

— Ты сказал... — Зиная осеклась и опять уставилась на опекунов. — Что это?

— Тебя это не должно интересовать, — оборвал ее Джамас. — Я очень прошу тебя, Зиная, ни во что не вмешивайся — ты можешь только напортить и себе и мне. Ты прекрасно знаешь, как важна для меня работа, которой мы занимались с Виром. Я хочу предостеречь его от дальнейших ошибок.

Он пошевелился, тихонько звякнули наручники. Зиная только сейчас увидела их. И вновь повернулась ко мне.

— Это ты?! Это ты приказал?

— Зиная!..

Но теперь и Джамас потерял власть над нею.

— Ты!.. Ты!.. — она не находила подходящего слова, и это взбесило ее еще больше. — Ты не смеешь!..

— Зиная!! — вскричал Джамас. На этот раз она взглянула на него. — Истранг прав: он выполняет свой долг. И, пожалуйста, не вмешивайся не в свое дело. Ты все испортишь. Я же тебе сказал: мы договорились, Памелл поможет тебе возвратиться на Ларт. Ты ведь все время только об этом и мечтала. А если ты станешь бушевать и кричать на него...

— Он наденет наручники и на меня?

— У него есть такое право. Ты же знаешь о том, что идет война и он выполняет ответственный приказ.

— И ты тоже!.. — на этот раз испепеляющая ненависть во взгляде Зинаи была обращена на Джамаса. Мне показалось, даже и он опешил. — Ты позволишь ему выполнить этот дурацкий «ответственный» приказ?

— Ты сама знаешь: я сделал все, что мог. Подвел Элион. В нем я просчитался.

Вот как! Они невольно выдали себя. Собственно, я подозревал это сразу. Поэтому и не хотел допрашивать Зинаю. Она бы все равно созналась, и тогда я обязан был бы и ее предать военному суду.

«Хорошо, что не включен магнитофон», — мелькнула в голове кощунственная мысль.

— Элион... Я с самого начала не верила в него. Я же предлагала совсем другое!

— Лучше, если замолчишь! — прервал я ее невольно. — Будем считать, что ты ничего не сказала, ни в чем не призналась. Сейчас же соберайся, забирай своих псов. Необходимое снаряжение и запас продуктов в шлюпке имеются. Вы не будете нуждаться ни в чем. На орбите Ларта вас встретят.

— Я никуда не полечу! — заявила Зиная.

— В таком случае, я отправлю тебя насильно.

Навязали же на мою голову эту Зинаю! Мало того, что из-за нее я готов пойти на преступление...

— Джамас, ну почему ты не поверил мне?! Ты с самого начала не считал его за человека. Он же совсем не безнадобен!

Настала моя очередь изумляться. Выходит, они говорили обо мне, прежде чем Джамас решил использовать Элиона? И Зиная, похоже, отстаивала меня — то есть именно она считала меня за человека, а Джамас не соглашался с нею...

— Его еще можно убедить! Он же не робот.

А ты опустил руки! Тебе нет дела, что на Земтере будут убиты миллиарды людей! Ты только притворялся, что интересуешься их судьбой. Тебя волнует одно твоё открытие. А кому оно будет нужно?

— Ты все испортила, Зиная, — сказал Джамас. — Ты думаешь, теперь он отпустит тебя? Ты погибнешь вместе с нами.

— А я и не хочу спасаться! И спасти какие-то твои научные открытия... Они никому не нужны. И я сама буду разговаривать с ним.

— О чем ты хочешь говорить со мной? — спросил я.

— Памелл... Ты же не выполнишь этот дурацкий приказ?

— Зиная, Джамас дал тебе разумный совет ни во что не вмешиваться. Ты не божилась, и я не привлеку тебя к суду вместе с ним... Последний раз говорю: отправляйся в шлюп. У нас мало времени.

— Ненавижу! Ненавижу вас обоих!

Я надавил кнопку под столом — из стены выступили еще двое опекунов. Зиная попыталась вырваться из их лап, но сразу же затихла, оцепенев от боли.

— Не так грубо! — вскричал я, потеряв от волнения способность рассуждать здраво: эти молодчики со стальной мускулатурой не обучены деликатным манерам. — Отпустите!

Истуканы повиновались. Зиная, теряя сознание, опустилась на пол. Я подхватил ее, перенес в кресло. Брызнул в лицо воды. Румянец проступил на ее щеках. Опекуны заняли место позади нее. Я поспешил отключить их, всех четверых, — неизвестно, что они еще способны натворить.

— Выпей, — я придвинул Зинае стакан воды. Она оттолкнула мою руку.

— Не прикасайся!

— Ты сама вынудила меня прибегнуть к помощи опекунов.

— Вот и верни их. Зачем убрал?

— Я не думал, что они так поступят...

Все это время Джамас сидел не шелохнувшись, невидящими глазами уставившись прямо перед собою.

— Теперь ты поняла, что тебя ждет здесь, — сказал я. — Послушайся совета — возвращайся на Ларт. Ты испытала самое малое из того, чему обучены опекуны. В подчинении Памелла их несколько десятков. А он и сам толком не знает, на что они способны, ведь он всего лишь придаток к хорошо отлаженной машине. Как и все они — весь экипаж.

— Не пытайтесь задеть мое самолюбие, Джамас. Вы говорите глупости. Каждому ясно: кораблем управляем мы, а не наоборот.

— Тогда зачем вас отучали шутить? — ехидно спросила Зиная. — Чтобы легче было управлять кораблем?

— Именно, — подтвердил я, обращаясь к Джамасу. Смотреть в глаза Зинае не хватало духу, и я не хотел признаться себе в этом. — Иначе нельзя. Приказ, неверно понятый автоматом, может привести к непредвиденному. Если автомат...

— Туп, — подсказала Зиная. — Если твои автоматы тупы, должна отупеть и команда. Чтобы понимать друг друга на равных. Ты прекрасно освоился с ними — сам превратился в автомат. Джамас был прав, я зря спорила с ним. Да тебя и винить нельзя: за двадцать лет на твоём месте отупеет кто угодно. Теперь ты автоматически исполнишь чужой приказ... И, пожалуйста, не думай, для кого и зачем нужно убивать половину населения Земтера. Нагрузка не для твоих мозгов. Зачем тебе размышлять — у тебя приказ...

Зиная не могла остановиться, она совершенно не владела собой. У нее было безумное лицо. Она ненавидела меня и Джамаса — обоих нас, ненавидела какой-то болезненной истерической ненавистью.

— Зиная... — Голос Джамаса прозвучал мягко, почти вкрадчиво, он явно был озабочен ее состоянием.

— Что — Зиная?! — судорожно повернулась она к нему.

— Успокойся, возьми себя в руки. Я прошу тебя.

— Он просит меня! Он хочет мне добра! Он боится, что я наговорила лишнего и испортила его замысел. Он думает о своей будущей работе, которую без него завершит Вир. Он бескорыстен: его заботит не слава, а успех будущего открытия. Да такие, как ты, вдвойне опасней, чем он! — не оборачиваясь, Зиная рукой указала в мою сторону. — Ты ни в чем не смеешь упрекать его. Разве что в одном — он служит не тебе!

— Ты не должна так говорить, Зиная. — Ее слова задела его за живое. — Ты не права. Ты знаешь, я сделал все, что мог.

У меня не было времени слушать их бредовый разговор: пора было готовить корабль к последнему маневру. Через несколько часов мы приблизимся к расчетной позиции... По моему приказу из ниш появились опекуны. Я приказал увести Джамаса в карцер. Зинаю велел запереть в ее каюте.

— Не пытайся сопротивляться, — предупредил я Зинаю. — Они способны причинить боль.

— Подумайте, он еще заботится обо мне! Ему не хочется испытывать угрызений совести...

Необходимо взять себя в руки. К началу маневра я должен быть собран, готов к любым неожиданностям. Я обязан контролировать весь маневр от начала до конца: если в расчет вкра-

лась хотя бы ничтожная ошибка, может случиться непоправимое.

Прибегнуть к испытанному методу самовнушения — увидеть себя со стороны? Пять-десять минут — и я являюсь в роли полновластного и точного в своих действиях командира «Гроссмейстера»... Но сейчас мне претило прибегать к испытанному способу. В ушах все еще звучал презрительный голос Зинаи, ее обидные, хлесткие слова — так разговаривают с человеком, которого уже ни во что не ставят. В моей власти заставить замолчать их обоих. Но мне не забыть ее слов, ее интонации, ее уничижительного взгляда...

И еще один вопрос мучил меня. Выходит, между ними был какой-то разговор обо мне. Еще до того, как Джамас провел свой эксперимент, до того, как оживил Элиона. Любопытно, что именно говорила тогда Зиная. Почему она надеялась склонить меня к измене?

«Да ведь я же могу узнать все, что они говорили», — внезапно пришло мне на ум.

Для заключенных отведены две каюты-карцера. Обе сейчас заняты. В одну помещен Джамас, в другую Элион. Я вошел к Элиону.

Опять меня невольно покорило, когда я увидел знакомое лицо и фигуру человека в подобострастной позе, увидел вспышку страха в блуждающих глазах.

Элион был в наручниках. Прокушенная Фейбой рука перебинтована. Завидев меня, он тут же вскочил.

— Садись, — разрешил я.

В карцере один грубый стул и подвесная койка у стены, ничем не застланная. Элион дождался, когда я сел на стул, и лишь тогда опустился на краешек койки, из угодливости застыл в какой-то особенно неловкой позе.

— Поверьте, истранг, я глубоко раскаиваюсь...

— Очень хорошо, — прервал я его. — Раскаяние будет учтено судом. Но я хочу знать другое. Ты должен помнить все, что делал Джамас, все, что он говорил.

— Только до эксперимента. И я не могу нести ответственности за его поступки и намерения, — поспешно добавил он.

— За чужие поступки тебя не накажут, — заверил я его. — Вспомни, о чем говорил Джамас с Зинаей перед тем, как он отправился в лабораторию.

Копируя Джамаса, Элион свел брови над переносицей.

— Я помню дословно, — сказал он. — Но поверьте, истранг, я совершенно не согласен с ним! Я питаю к вам совсем другие чувства!

— О чем они говорили? Не тяни!

Элион повторил весь разговор с протоколь-

ной последовательностью. Несколько раз он прерывал себя и клялся, что не разделяет мнения Джамаса.

— Поймите, истранг, мне страшно погибнуть ни за что! Мне только что открылось, как хороша жизнь. Я могу быть полезен вам!

— Не ной! — обрывал я его.

Своими стенаниями и клятвами он мешал мне мысленно увидеть сцену, происходившую между Зинаей и Джамасом.

— Мы не можем рисковать. Нужно действовать наверняка. Ты поддаешься чувству, а оно может подвести. За двадцать лет Памелл превратился в тупого исполнителя. Он подозрителен и недоверчив. Боюсь, что он примет меня за шпиона, работающего на праведных, заговори я с ним серьезно.

— Мне страшно, Джамас. Ты ничего не понимаешь. Ты... Мне кажется, ты становишься бесчувственным.

Я легко представил, какими глазами в этот момент смотрела на него Зиная.

— Не понимаю, чего ты боишься? Все время твердишь, что тебе страшно. У тебя создается ничем не оправданное предубеждение к Элиону. А ведь после эксперимента ты не отличишь нас друг от друга.

— Всегда узнаю! И не хочу этого. Я верю, с Памеллом еще можно договориться, он способен многое понять. Он преображается на глазах. Вначале он не замечал Пирата, брезговал им, а теперь привязался. Только он стыдится своего чувства, не хочет показать...

— Ну, даже если Памелл и полюбил щенка, одно это еще не обратит его в человека. В твоих рассуждениях нет никакой логики.

— Но он же не только щенок... — Зиная не закончила фразу, но я и так понял, что она имела в виду. Вовсе она не такая простушка!

— Что ж, может быть и так, — согласился Джамас. — Но влюбленность в женщину всего лишь животное чувство. На него способны и солдафоны.

— Не смей так говорить! Мне он тоже нравится. Не так, как ты — совсем иначе. Он стал мне как будто отцом или дядей.

— Нет, Зиная. Все это одни эмоции. Рисковать нам нельзя. Я отправляюсь в лабораторию. Памелл ничего не будет подозревать — он же не знает, что я могу отключить опекунов.

— И все же мне кажется... На него еще можно повлиять. Не робот же он!

— Что ж, нам это еще предстоит впереди — влиять на Памелла. После того, как взорвем астероид. Только вряд ли можно надеяться на пощаду. Запомни: ты не причастна ни к чему, не пытайся защищать меня, ни в коем случае. Иначе суд может угрожать и тебе.

— Я не боюсь.

— Верю. Но ты ничего не достигнешь, только навлечешь подозрения на себя. Тебя примут за соучастницу.

— Если тебя приговорят к смерти... Но все равно, что бы ни было потом. Сюда возвращаясь ты — там пусть останется Элион. Непременно вернись сам!

Я представил, как Зинаю передернуло от омерзения при одной мысли, что вместо Джамаса вернется его двойник.

— Хорошо, — обещал Джамас. — Вернусь я. Для нас это не будет иметь значения...

Я собрался уходить. Элион вскочил на ноги.

— Истранг, умоляю, скажите, какая участь ждет меня. И поверьте, я исполню любой ваш приказ. Я ведь не стал содействовать Джамасу. Я жалею и раскаиваюсь, что не признался вам сразу.

Я ушел, не сказав ему ничего. Судьба этого несчастного не занимала меня. Мне он был так же омерзителен, как и Зинае.

Вот, собственно, и все. Ничего особенного я не узнал. Довольно странно рассуждает Зиная. Главное для нее не то, что я командир «Гроссмейстера», истранг, а то, что я способен привязаться к собаке. Наивная и глупая девчонка! Впрочем, не такая уж наивная...

Но более всего меня поразило, что никакие они не пособники праведных. Говорили они наедине и не могли предполагать, что я узнаю про их разговор...

На самые ответственные маневры я обязан составлять перфокарту с подробным расчетом. Узкая картонная лента, наколотая там и сям, выглядит вполне безобидно. Через два с половиной часа я вставляю ее в центральный пульт управления кораблем. Автомат мгновенно считывает замысловатый узор протоколов и отрапортовывает, что задание понято. Затем я повторяю приказ устно.

Вот кому я по-настоящему завидовал сейчас — автомату. Ему безразлично, какой приказ выполнять. Была бы безошибочно составлена перфокарта... До того, что произойдет на Земтере, когда завершится маневр, ему нет никакого дела.

Сверил часы с контрольными. Если я запоздаю отдать распоряжение, астероид и корабль пройдут мимо планеты.

Защел в кают-компанию, включил большой визирный экран. Земтер занял его почти полностью — громадный оранжево-дымчатый шар во всю стену. Он выглядел устрашающим, в первое мгновение у меня возникло почти осязаемое чувство падения. Таким я не видел Зем-

тер двадцать лет. Мы приближались к планете с дневной стороны, лишь самая восточная окраина шара была погружена в ночь. Великолепные радужные отливы синего и фиолетового цвета мерцали в том месте. Сквозь блеклую дымку просматривались очертания материков, кое-где смазанные облаками.

Я отчетливо представил, как все произойдет. Вначале, когда включатся двигатели, всколыхнется «Гроссмейстер» — мы ощутим это внезапным приливом тяжести. Инерция, заложенная в движении ледяной громадины, недолго будет противостоять нарастающей мощи двигателей. Сила эта своротит астероид с прежнего пути и разгонит под другим углом. Затем отключится аварийная система, безупречно оберегавшая его добрые десять лет полета. Последует слабый взрыв — и астероид развалится на несколько глыб. «Гроссмейстер», высвобожденный из ледяных объятий, круто изменит направление. А чудовищные глыбы войдут в сферу притяжения Земтера. Дальнейшее будет неотвратимо.

На экране мы сможем видеть огненный вихрь, указывающий путь ледяных обломков в атмосфере. Последуют ослепительная вспышка и взрыв, который опустошит земли праведных. То, что уцелеет, сметут потоки воды.

Предвидя эту роковую минуту, наши укроются в подземельях — все, кого успеют и сочтут нужным предупредить.

Собственно, какое мне до всего этого дело? Тот, кто отдал приказ, все обдумал и рассчитал. Значит, так нужно...

Впервые за двадцать лет я блуждал по кораблю без определенной цели. Случайно забрел в зал, где недавно совершали обряд. «Спектакль», — как выразился Джамас. Он ведь уже тогда замыслил свой план... Как он смел произносить священные слова?!

Безотчетно я вывел на середину зала церемониальный стол. Он послушно выкатился — ему безразлично, для какой цели его тревожат. Обыкновенный стол с ящиком-тумбой наверху. Я нажал пусковую клавишу, крышка плавно откинулась, я опять увидел древнюю священную книгу. От одного лишь вида ее кожаного перелета невольный трепет охватил меня. А вот и микрофончики, искусно вмонтированные по углам ящика, сразу на них не обратишь внимания.

Для Джамаса это был всего лишь обыкновенный магнитофон...

— Не смей трогать. Вскрытие карается смертью.

Невольно я отдернул руку — так властно прозвучал голос из ящика.

И вдруг мне стало смешно. Кого я испугался? Голоса, записанного на магнитофон двадцать лет назад!

Вскрыл ящик. Действительно, внутри помещен самый обыкновенный магнитофон, даже не по-

следняя модель из тех, какие были известны тогда. Да и зачем было ставить последнюю модель?

Я вынул катушку с записью присяги, неизвестно для чего сунул в карман комбинезона.

Зачем я сделал это? Я ведь прекрасно знал, что слова, прозвучавшие из ящика, не пустая угроза. Пощады мне не будет. Подобного кощунства я и сам никому не простил бы...

Отдавая распоряжение содержать узника по строгому режиму, я не представлял себе, что это означает.

Джамас лежал на койке, распятый, с прикрученными к голым доскам руками и ногами. Двое опекунов дежурили подле него.

— Строгий режим отменяется, — распорядился я и, чтобы сгладить неловкость, которую испытал невольно, добавил: — Не подозревал ничего подобного...

— Вы многого не подозревали, Памелл. Да и я тоже, — заметил Джамас, разминая и массируя освобожденные запястья, на которых багровыми кругами отпечатались следы наручников.

— Признаюсь, мне немного жаль, что ваш план не удался, — вдруг вырвалось у меня. Я и сам поразился своим словам. А впрочем... Если бы Джамас добился своего, от меня теперь бы ничто уже не зависело. — Вы напрасно доверились Элиону. Не представляю, как я мог принять его за вас.

Болезненная улыбка искривила тонкие губы Джамаса.

— Что ж, — сказал он, — выходит, вы все же предполагали в моем характере черты, способные превратить меня в подлеца?

— Я просто никогда не задумывался об этом серьезно. И недостаточно хорошо знал вас. Зная же сразу догадалась.

— Увы, правы вы, а не она, — произнес он с горечью. — Возможность стать таким, как Элион, таилась для меня всегда.

Я понял, что его мучает.

— У вас с ним ничего общего, — искренне заверил я Джамаса. — Если не считать внешне-го сходства. Теперь-то меня и сходство не обманет: без труда отличу.

Несколько минут мы молчали. Вдруг одна мысль пришла мне в голову.

— А собаки... — сказал я. — Они ничего не подозревали, ничего не могли знать, ничего не анализировали и не сопоставляли...

Внезапный интерес вспыхнул во взгляде Джамаса.

— А ведь это правда! Собаки же не спутали нас! Значит, какое-то отличие не ускользнуло от них. А я-то был абсолютно уверен, что Элион точная копия!

Эта мысль взбудоражила его.

— В том-то и беда — моя и тех, кто думает создать механического или биомолекулярного робота, обладающего способностями человека... Мы считаем свои знания о природе и способностях человека конечными и абсолютными. На самом же деле всегда есть что-то, о чем мы не подозреваем, что нам кажется не играющим роли, второстепенным... Зиная была права, тысячу раз права, когда предостерегала меня от поспешности.

— Она терпеть не могла Элиона...

— Да, да! — воскликнул Джамас. — Она наделена прозорливостью от природы, не от рассудка. Она совсем иная, чем вы, чем я, чем мы оба. Вот сейчас, в эти минуты, вами владеет долг, а мной... Одна мысль заботит меня — как сохранить и передать другим свое открытие. Гибель Земтера я переживаю только рассудком. Меня это волнует и страшит — но лишь через рассудок. А Зиная воспринимает жизнь обнаженными чувствами. Гибель других отдается болью в ее плоти — не в рассудке. Мы с вами никогда не потеряем головы, она же почти не способна рассуждать трезво. Может быть, именно поэтому она иначе относилась и к вам. Для меня вы человек, вышколенный в робота. Живого человека превратить в робота легче, чем сделать искусственного. Это требует куда меньших затрат. Определенное воспитание, выучка...

Странно, что его слова ничуть не задевали меня, не казались обидными. Я слушал Джамаса, как будто речь шла не обо мне.

— Поверьте, Памелл, я не хочу вас обидеть, — сказал он, словно подслушав мои мысли. — Сейчас я признаю: у меня не было морального права думать про вас худо. Из того, что собственные идеалы я ставлю выше и благороднее ваших, еще ничего не следует. Я живу по другой программе, отличной от вашей. А хуже она или лучше, не мне судить. Нельзя почитать мысль выше природы, выше желаний. Нам только кажется, будто мы побороли желания: мы всего лишь изменили их, подчинили своей, а иногда и чужой мысли. При всей нашей способности мыслить логически и считать с бешеной скоростью...

Я не понимал и половины того, что он говорил. Не очень и старался понять. Но последняя его фраза вдруг напомнила мне о недавнем озарении.

Перебив Джамаса, я рассказал ему о необычном состоянии, которое испытал, когда полз по заваленному ледяному штреку.

Вначале он слушал невнимательно. Потом заинтересовался.

— Вы говорите: это походило на озарение?

— Я далеко не тугодум, но подобной сообразительности никогда не предполагал за собой. Буквально все стало доступно мне. Я не только

вспомнил текст вашего проекта, хотя до этого лишь бегло перелистывал страницы, но сумел прочесть и понять все. И на это ушли считанные минуты. Это походило на вспышку гениальности.

— Включался мозговой подвал?

— Подвал? — переспросил я недоуменно.

— Нейроквантика всегда пользовалась нарочито упрощенными терминами: подвал, чердак, яма... Мозг руководит всей деятельностью организма, всех его органов и систем. Этой постоянной, непрерывной работой своего мозга человек не осознает и не управляет ею. Наше сознание контролирует лишь работу ничтожной части нейронов — «чердака» мозга. Именно здесь совершается то, что мы называем мышлением. Большая же часть мозга — «подвал» — ведает необычайно сложной деятельностью внутренних органов, регулирует и поддерживает режим работы организма в постоянно меняющихся условиях... Хорошо тренированный «чердак» справляется с довольно трудными задачами. Однако человек не делается гением за счет одного лишь «чердака». Внезапные открытия, когда вдруг, в одно мгновение становится ясным то, что месяцы и годы казалось туманным и неразрешимым, это не что иное, как помощь из «подвала». Но передача решения из биологического «подвала» в рассудочный «чердак» не осознается человеком и поэтому производит впечатление чуда.

— Но в чем же разница между тем, кого мы называем гением, и самым заурядным человеком или даже бездарью?

— Принципиальной разницы в конструкции мозга у различных людей нет. И тем не менее, разница между гением и человеком заурядным огромна. Один из них не может жить, не ставя постоянно перед собою мучительных вопросов. От того, решит он их или не решит, зависит состояние его духа. Вероятно, есть предел нагрузки на нейроны рассудочного отдела мозга, предел, при котором неразрешимая задача передается в «подвал». При частом подключении «подвала» возникает уже более или менее регулярная связь... Обычный же, заурядный человек не мучается загадками — его вполне устраивают чужие открытия и мысли.

— Значит, духовные страдания вынуждают мозг делать уступки — заниматься решением задач, какие ему навязывает осознанный разум человека?

— Возможно, так оно и есть. Кое-кто предполагает, правда, что можно принудить мозг работать в подобном режиме и без душевной маяты — воздействовав на него либо химически, либо облучением.

— Что же было со мной?

— Наверное, вас сильно встревожила загадка: «Что же произошло?» — и это дало толчок...

— Но занялся я вначале сущей ерундой — стал разбирать шахматные позиции.

— М-да,— хмыкнул Джамас.— Может быть, результат игры имел для вас особое значение?

— Отчасти да. Но были и заботы посерьезней.

— А еще что?.. Вы хорошо помните свое состояние?

— Помню, что взмок от пота, когда протискивался сквозь трещину. Даже лед... Джамас! — воскликнул я невольно.— Вы никогда не пробовали льда? Вот этого льда, из которого состоит наш астероид?

— Нет. Подумывал только, что надо бы испытать его кристаллическую структуру, магнитный заряд. За миллиарды лет астероид подвергался ведь всевозможным облучениям. А просто попробовать... Нет, не приходило на ум.

— А я попробовал. Он какой-то странный — сладковатый и щекотный...

— Может быть, лед и был причиной, на время включившей ваш мозговой «подвал»? Может быть, этот лед приобрел как раз те свойства, которые ищут ученые? Чушь! Этого я не могу допустить!

— А все же это был странный лед, Джамас!

Каюта Зинаи вдвое меньше моей, но много просторней, чем карцер. Феба, пострадавшая в схватке с Элионом, перебинтованная, лежала на кровати. Зиная дежурила подле нее. Она не обернулась, когда я вошел. Молчание Зинаи и ее упрямая поза раздражали меня.

— Готовься,— сухо сказал я.— Через час полетишь на Ларт. Фебу заберешь с собой. Пирата тоже.

Зиная не шелохнулась.

— Ты слышала?

— Уходи! — ее голос прозвучал глухо, но твердо.

Феба подняла голову, угрожающе зарычала и хотела вскочить, но Зиная удержала ее.

— Лежи, лежи. Не обращай на него внимания... Уходи! — повторила она, сверкнув на меня ненавидящим взглядом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феба отказывалась есть.

— Фебушка, миленькая, ну хоть капельку! Тебе нужно поправляться, набирать сил,— уговаривала ее Зиная.

Собака преданными глазами смотрела на хозяйку, повиливая хвостом, лизала ей руки.

— Appetit у нее скоро появится,— сказал Джамас.— И ей, и Пирату тяжело находиться постоянно в невесомости. На «Гроссмейстере» было не так... Но они привыкнут.

— Правда? — обрадовалась Зиная.— Я так боюсь за нее! Скорее бы уж вернуться на Ларт.

Как медленно мы летим: еще целых три месяца... А на Ларте сейчас хорошо — не затихая поют метели... Памелл, ты слышал когда-нибудь, как все дрожит от пурги — и стены, и сам воздух? Не может быть лучшей музыки, чем вьюга. Разве что звон — тихий звон и шорох, какие всегда слышны при сильном морозе. Крепкий мороз — это чудесно!

— Мне случалось выходить в открытый космос. Там мороз посильнее, чем на Ларте.

— Это совсем не то! В космосе пустой мороз, а у нас снег и метель. В космосе пустота и глушь. Не люблю космоса...

После уютного и просторного «Гроссмейстера» в общей каюте маленького шипа чересчур тесно. Мы помещались все вместе — три человека и две собаки. Меня не покидало чувство непрочности, ненадежности нашего мирка, угнетало ощущение беспредельной пустоты, которую пронизывала наша ракета. Земтер, встреча с которым еще недавно устрашала меня, теперь держал в плену мои мысли и чувства. С ужасом предвидел я мучительную и постоянную тоску по нему, тоску, от которой не избавлюсь до конца дней.

Вспомнилось недавнее, поразительной явью живущее во мне, во всех моих чувствах, включая осязание.

...На ощупь перфокарта гладкая и жесткая. Мне не вдруг удалось смять ее в зажатом кулаке — она упорно сопротивлялась. Почему-то не приходила в голову простая мысль, что перфокарту можно выкинуть и не мять. Раз уж я решил не пользоваться ею...

Где-то далеко глухо прокатился тяжелый взрыв, от которого всем своим чревом вздрогнул наш «Гроссмейстер». На экране я видел, как один за другим погасли контрольные маяки, и астероид медленно начал разваливаться на куски.

Все! Теперь уже никто не свернет ледяные глыбы с их орбиты. Лишь через двадцать лет они снова пройдут вблизи Земтера.

Сумеют ли тогда земтеряне воспользоваться спасительной влагой, заключенной в них? А попутно, может быть, разгадают и необычные свойства этого льда? Или опять предпочтут междоусобную войну?

Размышлять мне некогда. Меньше, чем через час, с Земтера поступит запрос: что случилось? Как только там узнают правду, управление кораблем передадут в руки моего заместителя. Нужно спешить...

Теперь я уже затрудняюсь сказать, когда принял решение послушаться приказа: в каюте ли Зинаи, или при последнем свидании с Джамасом? А может быть, решение созрело уже тогда, когда я вскрывал церемониальный ящик?

Или когда допрашивал Элиона? Впрочем, какое это имеет значение теперь, когда все уже в прошлом и я ничего не могу изменить!

На малую громкость включаю приемник, настраиваю на земтерскую станцию. В который раз ловлю одну и ту же передачу.

«Совершенно неслыханное предательство. Бывший командир «Гроссмейстера» перешел на сторону праведных и бежал на Ларт вместе с нейроквантиком Джамасом...»

Нас бранят и поносят по нескольку раз в сутки. Оба мы объявлены вне закона и, если когда-нибудь попадем в руки властей, нас ждет казнь. Однако на Ларте нам ничто не угрожает. Ларт взбунтовался, не подчиняется Земтеру. Истинные и праведные, которые, сказать по правде, во многом здесь изменились, чему, возможно, содействовали совершенно иные общественные отношения, образовали самостоятельное государство, отказались поставлять на Земтер стратегическое сырье. Так что на Земтере война скоро должна прекратиться сама собою.

— Вряд ли у них хватит ума остановиться, — заметил Джамас.

— Но если Ларт не даст им возможности вооружаться, — возразил я, — воевать станет просто нечем!

— Изобретут новые средства уничтожать друг друга!

— Они дикари, — вставила Зиная. — Цивилизация превратила их в дикарей.

— Ты говоришь глупости, Зиная. Цивилизация не может превратить человека в дикаря. Цивилизация создает бла...

Я остановился на полуслове. У меня не было ни малейшего желания продолжать этот спор. Да и начал я его лишь потому, что во мне еще жил прежний вымуштрованный земтерянин.

— Что ж, может быть, на Ларте развитие пойдет по иному пути? — предположил я.

Джамас с сомнением покачал головой.

— Лартян слишком мало. И у нас нет своего прошлого, наше прошлое на Земтере. Оторванные от него, мы зачахнем, не дав свежих ростков. Наши надежды могут быть связаны только с Земтером...

Джамас сильно изменился: его все время тяготила какая-то мысль. Это заметила и Зиная. Я видел, как она исподтишка встревоженно наблюдала за ним. Кажется, я догадывался о причине его беспокойства. Мне хотелось поговорить с ним с глазу на глаз, и я выбрал момент, когда Зиная перевязывала Фебу.

— Вас не должна заботить судьба Элиона. Он сам постоит за себя. Думаю, что он прекрасно уживется с земтерянами.

— Я тоже так считаю. Мне только противно думать, что породил его все-таки я.

Некоторое время Джамас молчал, погруженный в свои мысли.

— Памелл, — неожиданно он поднял голову, изучающе взглянул мне в лицо.

Я ждал, что он скажет.

— Не будет ли у вас желания совершить одну... ну, скажем, — усмехнулся он, — увеселительную прогулку? После того, как мы достигнем Ларта, разумеется.

— Что за прогулка? Куда?

— На Земтер.

— Вы шутите?

— Нет, Памелл, — сказал он серьезно, — не шучу.

— Но нас же будут судить! Они не посчитаются с тем, что вы большой ученый.

— Конечно, не посчитаются. Приговорят к смерти, другого я не жду.

— Тогда зачем же?..

— Зачем? — он внезапно оживился, заговорил быстро и убежденно. — Затем, чтобы посеять в умах людей семена сомнения. Сказать на суде правду о том, почему мы вынуждены были поступить именно так. Кто-то же прислушается к нашим словам! Не роботы же они!

— Что ж, я согласен. — Собственно, раздумывать мне не о чем. Я был даже рад такому исходу. Казнь на Земтере пугала меня меньше, чем долгая жизнь на чужом для меня Ларте. — Только зачем нам лететь на Ларт? Запасов горючего у нас хватит.

— А Зиная, — напомнил он. — Как быть с ней?

— Я полечу с вами!

Вот как — оказывается, она все слышала! Мы чересчур увлеклись и начали разговаривать в полный голос.

— Зиная, не говори глупостей.

— Почему? Почему ты считаешь, что я говорю глупости?! — надела она на Джамаса. — Умник! Я очень, очень прошу вас, — теперь она обращалась к нам обоим, — возьмите меня с собой! Вы правильно решили, и я хочу быть с вами. А приговора я не боюсь.

— Ну, хорошо... Полетишь, — сдался Джамас.

— Тогда... — Зиная радостно обернулась ко мне. — Начинай маневр!

— Мы вовсе не спешим, Зиная, — улыбнулся Джамас. — На Ларт мы вернемся не только из-за тебя. Пока на Земтере идет война, нет резона лететь туда — они нас казнят без суда, по законам военного времени. А нам непременно нужно, чтобы состоялся гласный суд.

За металлической обшивкой каюты беззвучно проносится черная пустота. До Ларта еще далеко. Хватит времени все вспомнить и обо всем передумать...